

Автор бестселлеров А М А Z О N . С О М

ЭЛСИ СИЛЬВЕР

18+

Безупречный

ОН – ЗНАМЕНИТЫЙ НАЕЗДНИК РОДЕО...
И ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ ВСЕЙ ЕЁ ЖИЗНИ.

Freedom. Братья Итон

Элси Сильвер

Безупречный

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Сильвер Э.

Безупречный / Э. Сильвер — «Эксмо», 2022 — (Freedom. Братья Итон)

ISBN 978-5-04-191221-5

Правила простые: держаться подальше от его дочери и неприятностей. Но правила созданы для того, чтобы их нарушать... Я – профессиональный наездник на быках. Знаменитость в мире родео. Вернее, был им. До тех пор, пока сам не испортил свою репутацию. Поэтому теперь мой агент приставил ко мне дочку в качестве «постоянного надзирателя» до конца сезона. Мне не нужна чертова нянька в обтягивающих джинсах и с соблазнительной улыбкой. Улыбкой, о которой я не могу перестать думать. Саммер – не просто очередное завоевание. Она видит меня настоящего и не убегает, а притягивает. Она говорит, что есть границы, которые мы не должны нарушать. Что моя репутация не выдержит новых ударов, как и ее израненное сердце. А я говорю, что все равно украду его.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-191221-5

© Сильвер Э., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	6
2	11
3	20
4	26
5	32
6	38
7	44
8	51
9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Элси Сильвер Безупречный

Elsie Silver
FLAWLESS

Copyright © 2022 by Elsie Silver

The moral rights of the author have been asserted.

© Прончатова А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Честно говоря, я написала эту книгу для себя. Для девочки, которая никогда не понимала, чего она хочет от своей жизни, и для женщины, которая разобралась в этом

*Иногда мы ловим момент, а порой он захватывает нас.
Грегг Левой*

1

Саммер

– Здесь есть один злой ублюдок для тебя, Итон.

Красивый ковбой, сидящий на спине огромного быка, усмехается и обхватывает рукой веревку перед собой. Его темные глаза мерцают на экране, резкие черты лица проглядывают сквозь решетку шлема.

– Чем сильнее они сопротивляются, тем я счастливее.

Я едва слышу, что они говорят, из-за шума толпы на огромной арене и музыки, гремящей на заднем плане, но субтитры внизу экрана проясняют все, что можно пропустить.

Молодой человек, склонившийся над загоном, хихикает и качает головой.

– Должно быть, это все из-за молока, которое ты пьешь. Никаких переломов у всемирно известного Ретта Итона.

Ковбой ухмыляется, сверкая белыми зубами, и подмигивает – янтарные глаза видно даже через забрало. Очаровательная улыбка знакома мне, потому что я часами пялилась на ее глянцевою неподвижную версию.

– Отвали, Тео. Ты же знаешь, я чертовски ненавижу молоко.

Дразнящая усмешка касается губ Тео, когда он говорит:

– Но в рекламе ты выглядишь мило, когда оно нарисовано у тебя над губой. Мило для старика.

Тео подмигивает, и они дружно смеются, пока Ретт методично проводит рукой по веревке.

– Я бы лучше предпочел получать взбучку от быка каждый чертов день, чем пить это дерьмо.

Их смех – все, что я слышу, когда мой отец ставит видео на паузу на большом плоском экране, а его лицо и шея краснеют.

– Хорошо... – осторожно начинаю я, пытаюсь понять, почему это требует срочной встречи с двумя новыми сотрудниками, работающими полный день в «Хэмилтон Элит».

– Нет. Не хорошо. Этот парень – лицо профессионального родео на быках, и он только что насадил на вертел своих крупнейших спонсоров. Но будет хуже. Смотри дальше.

Он снова нажимает кнопку воспроизведения, агрессивно, как будто это она сделала что-то не так в этой истории, и на экране вспыхивает другая сцена. Ретт за пределами арены, он идет через парковку со спортивной сумкой, перекинутой через плечо. Вместо шлема на нем

теперь ковбойская шляпа, он идет быстро, чтобы не отстать от своей цели, в то время как оператор следует за ним и запускает запись.

Не думаю, что папарацци обычно следят за наездниками на быках, но имя Ретта Итона с годами стало нарицательным – символом грубых, неотесанных, суровых деревенских мужчин.

Репортер делает шаг, подходя достаточно близко, чтобы поднести микрофон ко рту Ретта.

– Ретт, не могли бы вы прокомментировать видео, которое распространилось в эти выходные? Принести извинения?

Ретт поджимает губы и пытается спрятать лицо за полями шляпы. Мускул на его челюсти дергается, и его подтянутое тело напрягается. Напряжение охватывает каждую конечность.

– Без комментариев, – выдавливая он сквозь зубы.

– Да брось ты, скажи мне что-нибудь. – Стройный парень протягивает руку и прижимает микрофон к щеке Ретта. Навязывается ему, даже несмотря на то что Ретт отказался от комментариев. – Ваши поклонники заслуживают объяснений, – требует репортер.

– Нет, не заслуживают, – бормочет Ретт, пытаясь увеличить расстояние между ними.

Почему эти люди думают, что им обязаны ответить, если устраивают засаду на человека, который занимается своими делами?

– Как насчет извинений? – спрашивает парень.

А потом Ретт бьет его по лицу.

Это происходит так быстро, что я начинаю часто моргать, пытаясь уследить за дрожащими и сменяющимися кадрами.

Ну, дерьмо.

Через несколько секунд назойливый папарацци, схватившись за лицо, оказывается на земле, а Ретт разжимает кулак и уходит, не сказав ни слова.

Экран снова переключается на ведущих новостей, сидящих за столом, но прежде, чем они успевают что-либо сказать о том, что мы только что увидели, папа выключает телевизор и издает рокочущий звук разочарования.

– Я ненавижу этих гребаных ковбоев. Их невозможно держать в узде. Я не хочу иметь с ним дело. Так что, к счастью для вас двоих, эту работу может получить любой. – Он практически дрожит от ярости, но я просто откидываюсь на спинку стула. Мой отец легко выходит из себя, но он так же быстро успокаивается. Сейчас я уже привыкла к перепадам его настроения. Вы не продержитесь долго в «Хэмилтон Элит», если не сможете противостоять Кипу Хэмилтону.

К счастью, у меня была целая жизнь, чтобы научиться отстраняться от этого, так что у меня выработался иммунитет. Я пришла к выводу, что это часть его обаяния, поэтому не принимаю его злость на свой счет. Он не злится на меня. Он просто... злится.

– Я годами надрывал задницу, чтобы найти этому деревенщине спонсора, о котором он и не мечтал, а теперь, когда его карьера подходит к концу, он идет и уничтожает все это вот так. – Рука отца скользит по настенному экрану. – Ты хоть представляешь, Саммер, сколько денег зарабатывают эти парни за то, что они достаточно чокнутые, чтобы вскарабкаться на разъяренного быка весом в две тысячи фунтов ¹?

– Нет. – У меня такое чувство, что он вот-вот мне скажет. Я смотрю в темные глаза отца, того же оттенка, что и мои. Джефф, другой стажер, сидящий в кресле рядом с моим, съезживается на своем месте.

– Они зарабатывают миллионы долларов, если они так же хороши, как этот засранец.

Я бы никогда не подумала, что это крупный бизнес, впрочем, на юридическом факультете такому не учат. Я знаю все о Ретте Итоне – сенсации, покорителе родео на быках и главном подростковом предмете обожания, но почти ничего о реальной индустрии или спорте. Уголки

---

¹ 1 фунт = 0,45 кг; 2000 фунтов – приблизительно 907 кг.

моих губ приподнимаются, когда я вспоминаю, как десять лет назад лежала в своей постели и смотрела на его фотографию.

Ретт взобрался на забор, оглянулся через плечо на камеру. Позади него – открытая земля и теплое заходящее солнце. На его губах играет кокетливая улыбка, глаза частично скрыты поношенной ковбойской шляпой, и *piece de resistance*...² на нем джинсы «Вранглер», которые облегают все лучшие части тела.

Так что да, я мало что знаю о родео на быках. Но знаю, что потратила ужасно много времени, разглядывая эту фотографию. Землю. Свет. Она привлекала меня. Дело было не только в парне. Она заставляла меня хотеть быть там, самой наблюдать за этим закатом.

– Джордж, ты знаешь, сколько стоило то молоко, которое он только что спустил в унитаз? Не говоря уже обо всех других спонсорах, чьи яйца я буду ласкать, чтобы сгладить это дерьмо?

Клянусь богом, я едва не фыркаю. Джордж. Я достаточно хорошо знаю своего отца, чтобы понимать: он осознает, что имя неправильное. Но это также проверка, чтобы увидеть, хватит ли у Джеффа смелости что-нибудь сказать. Насколько я понимаю, работа с титулованными спортсменами и знаменитостями не так легка. Я уже могу сказать, что парню рядом со мной придется тяжело.

– Эм... – Джефф листает папку, лежащую перед ним на столе в зале заседаний, и я позволяю своему взгляду задержаться на окнах от пола до потолка, из которых открывается потрясающий вид на прерии Альберты³. С тридцатого этажа видно весь Калгари⁴. Заснеженные Скалистые горы⁵ вдалеке похожи на картину – это никогда не надоест.

– Ответ – десятки миллионов, Грег.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы удержаться от смешка. Мне нравится Джефф, и мой отец ведет себя как полный придурок, но я столько лет сама была в таком же положении, что забавно видеть, как кто-то другой барахтается так же, как я в прошлом.

Видит бог, моя сестра Винтер никогда не подвергалась такого рода издевательствам. Ее отношения с отцом сильно отличаются от моих. Со мной он веселый и говорит, что взбредет в голову; с ней остается почти профессионалом. Я думаю, что ей это все равно нравится больше.

Джефф смотрит на меня с безразличной улыбкой.

Я много раз видела это выражение на лицах людей на работе. Оно говорит: *«Должно быть, приятно быть маленькой девочкой босса. К тебе так относятся по протекции?»* Но я натренирована выдерживать подобные упреки. Моя кожа толще. Мой измеритель безразличия так настроен. Я знаю, что через пятнадцать минут Кип Хэмилтон будет отпускать шуточки и улыбаться. Тот идеальный внешний лоск, который он использует, чтобы подлизаться к клиентам, быстро вернется на место.

Этот человек – мастер, даже если немного хитрец. Но я думаю, это связано с тем, что он занимается подбором персонала и заключением контрактов, условия которых выполняет как агент высшего уровня.

Если честно, я все еще не уверена, что гожусь для работы здесь. Не уверена, что действительно этого хочу. Но это всегда казалось правильным поступком. Я многим обязана своему отцу.

– Итак, вопрос в том, дети, как это исправить. У меня спонсорство «Дэйри Кинг» висит на волоске. Я имею в виду, гребаный профессиональный наездник на быках только что разрушил всю свою основу. Фермеры? Производители молочной продукции? Кажется, что это не должно иметь значения, но люди будут говорить. Они собираются поместить его под микроскоп, и

---

² *Pièce de résistance* (франц.) – самое лучшее.

³ Альберта – одна из десяти провинций Канады.

⁴ Калгари – город в провинции Альберта, Канада.

⁵ Скалистые горы – основной горный хребет в системе Кордильер Северной Америки, на западе США и Канады.

я не думаю, что им понравится то, что они увидят. Это повлияет на итоговую прибыль идиота сильнее, чем вы думаете. А его прибыль – моя прибыль, потому что этот псих приносит нам всем кучу денег.

– Как вообще появилась первая запись? – спрашиваю я, заставляя свой мозг вернуться к текущей задаче.

– Местная станция оставила свою камеру включенной. – Отец проводит рукой по чисто выбритому подбородку. – Поймала всю эту хрень, а затем сделала субтитры и показала в вечерних новостях.

– Ладно, значит, ему нужно извиниться, – бросает Джефф.

Отец закатывает глаза, слыша об этом универсальном решении.

– Ему нужно сделать гораздо больше, чем просто извиниться. Я имею в виду, ему нужен железобетонный план на оставшуюся часть сезона. У него есть пара месяцев до чемпионата мира в Вегасе. До этого нам необходимо отполировать нимб ковбойской шляпы. Или другие спонсоры тоже помрут как мухи.

Я постукиваю ручкой по губам, лихорадочно соображая, что мы могли бы сделать, чтобы спасти ситуацию. Конечно, у меня почти нет опыта, поэтому я придерживаюсь наводящих вопросов.

– Значит, его нужно представить как очаровательного деревенского парня по соседству?

Отец заходится громким смехом, опираясь руками на стол напротив нас. Когда он наклоняется, Джефф вздрагивает, и я закатываю глаза. Слабак.

– Именно в этом и заключается проблема. Ретт Итон не очаровательный деревенский парень по соседству. Он самоуверенный ковбой, который развлекается слишком сильно, и толпы женщин набрасываются на него каждые выходные. И он не злится из-за этого. Раньше это не было проблемой, но теперь они разберут все, что смогут. Как гребанные стервятники.

Я приподнимаю бровь и откидываюсь назад. Ретт взрослый человек, и, конечно, если объяснить ему, что поставлено на карту, он сможет держать себя в руках. В конце концов, он платит компании, чтобы она управляла этим делом за него.

– То есть он не может вести себя наилучшим образом в течение пары месяцев?

Отец опускает голову с глубоким смешком.

– Саммер, вариант с хорошим поведением для этого человека не подойдет.

– Ты ведешь себя так, как будто он какой-то дикий зверь, Кип. – Я на собственном горьком опыте научилась не называть его папой на работе. Он все еще мой босс, даже если мы вместе едем домой в конце каждого дня. – Что ему нужно? Няня?

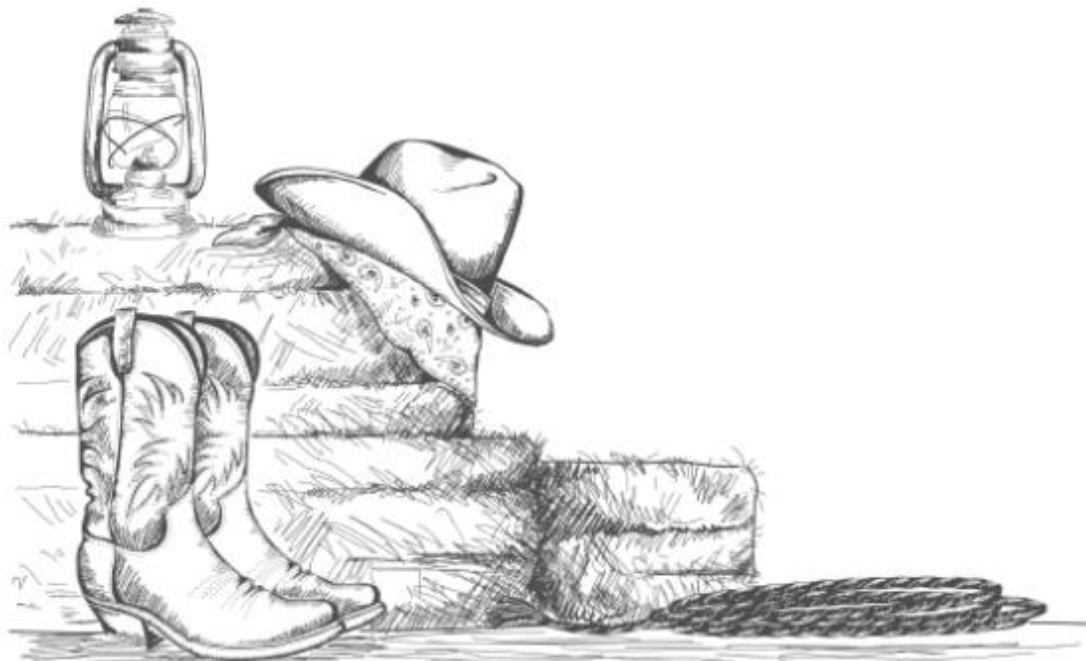
В комнате на несколько секунд воцаряется тишина, пока отец смотрит на столешницу, зажатую между его ладонями. В конце концов его пальцы касаются ее поверхности – он делает так, когда глубоко задумывается. Привычка, которую я переняла у него за эти годы. Он поднимает почти черные глаза, и волчья ухмылка искажает его лицо.

– Да, Саммер. Это именно то, что ему нужно. И я знаю идеального человека для этой работы.

Судя по тому, как он на меня смотрит, новая няня Ретта Итона – это я.

2 Ретт

Кип: Возьми свой телефон, ты, смазливый ублюдок.

Ретт: Ты думаешь, я смазливый?

Кип: Я думаю, тот факт, что ты выбрал эту конкретную деталь из моего сообщения, означает, что ты идиот.

Ретт: Но смазливый?

Кип: Ответь. На. Чертов. Телефон.

Кип: Или будь здесь в два часа дня, чтобы я мог удивить тебя лично.

Самолет приземляется в аэропорту Калгари, и я с облегчением возвращаюсь домой.

Особенно после того дерьма, которое произошло в последние пару дней.

Парень, которого я ударил, не выдвинет обвинений, но я не знаю, сколько денег мой агент Кип предложил ему, чтобы все уладить. Это не имеет значения. Если кто-то и может сделать так, чтобы все это кончилось, так это Кип.

Он пытался дозвониться мне, и это говорит о том, что он сходит с ума, потому что мы обычно общаемся по переписке. Вот почему, включив телефон раньше положенного, я не удивляюсь, когда вижу, как его имя высвечивается на экране.

Снова.

Я не отвечаю, потому что не в настроении слушать, как он кричит на меня. Я хочу спрятаться. Хочу тишины. Пение птиц. Горячий душ. Немного обезболивающего. И свидание с моей рукой, чтобы снять некоторое напряжение.

Не обязательно в таком порядке.

Это то, что мне нужно, чтобы привести голову в порядок. Тихий перерыв дома, пока все не уляжется. Чем старше я становлюсь, тем более длинным кажется сезон, и почему-то в свои тридцать два года я чувствую себя страшно старым.

Мое тело болит, разум переполнен, и я жажду тишины семейного ранчо. Конечно, мои братья будут чертовски раздражать меня, а мой отец собирается поговорить со мной о том, когда я планирую закончить, но это семья. Это дом.

Я думаю, есть причина, по которой мы, мальчики, продолжаем возвращаться. Мы созависимы друг от друга, в отличие от нашей младшей сестры. Она посмотрела на кучу взрослых мужиков, живущих вместе на ферме, и поспешно уехала.

Я делаю мысленную пометку позвонить Вайолет и узнать, как она.

Откидываю голову на спинку тесного сиденья, пока самолет катится до полной остановки на взлетно-посадочной полосе. *«Добро пожаловать в прекрасный Калгари, Альберта»*. Салон наполняется голосом стюардессы и громкими щелчками ремней безопасности, которые люди уже расстегивают.

Я следую их примеру. Мне не терпится встать с маленького сиденья и размять ноги.

«Если Калгари – это ваш дом, добро пожаловать домой...»

Больше чем за десять лет я так и не научился бронировать авиабилеты и отели как следует. Вместо этого я постоянно пытаюсь занять место в последнюю минуту, и это меня вполне устраивает. Даже несмотря на чувство легкой клаустрофобии.

Когда человек, сидевший рядом со мной, направляется в проход, из моих легких вырывается вздох облегчения. Я пока не могу позволить себе погрузиться в эту дикую усталость. Мне все еще нужно взять свой пикап и потратить час на поездку за город, в Честнат-Спрингс.

«Пожалуйста, помните, что курение внутри терминала запрещено...»

А перед этим мне нужно встретиться с моим агентом с хваткой питбуля. Со вчерашнего вечера он лает на меня из-за того, что я не отвечаю на звонки.

Теперь мне придется ответить за свое плохое поведение.

Я внутренне стону, когда протягиваю руку, чтобы взять свою спортивную сумку из верхнего отделения.

Кип Хэмилтон – человек, которого я должен поблагодарить за мое нынешнее финансовое положение. По правде говоря, он мне очень нравится. Он со мной уже десять лет, и я почти считаю его другом. Но я также достаточно часто мечтаю о том, чтобы врезать ему по чисто выбритому лицу. Это палка о двух концах.

Он напоминает мне более старую, более жизнерадостную версию Ари Голда из «Красавцев»⁶, а я чертовски люблю этот сериал.

«Спасибо вам за полет на Air Acadia. Мы с нетерпением ждем возможности снова принять вас у себя».

Очередь наконец начинает двигаться к выходу, и я шаркаю к проходу самолета, но вдруг чувствую сильный толчок в грудь.

Когда я смотрю вниз, то встречаюсь с разъяренными голубыми глазами и нахмуренными бровями на невысоком лбу. Женщина, которой далеко за шестьдесят, пристально смотрит на меня.

---

⁶ «Красавцы» – американский телесериал, рассказывающий о восхождении молодой звезды кино – Винсенте Чейзи. Ари Голд – харизматичный и пробивной агент Винса.

– Тебе должно быть стыдно за себя. Оскорблять таким образом свои корни. Оскорблять всех нас, тех, кто так усердно работает, чтобы накормить наших соотечественников-канадцев. А потом напасть на мужчину. Как ты мог?

Эта часть страны гордится сельским хозяйством и деревенской жизнью. Калгари – родина одного из крупнейших родео в мире. Черт возьми, некоторые люди называют город Коутаун⁷ из-за того, насколько тесно сообщество скотоводов и фермеров связано с городом.

Я вырос на огромном скотоводческом ранчо, так что точно об этом знаю. Что мне никогда не было известно, так это то, что не любить молоко – преступление.

Но я все равно спокойно киваю ей.

– Я не хотел вас оскорбить, мэм. Мы оба знаем, что фермерское сообщество – основа нашей прекрасной провинции.

Она удерживает мой взгляд, расправляя плечи и слегка шмыгая носом.

– Тебе не мешало бы помнить об этом, Ретт Итон.

В ответ я натянуто улыбаюсь.

– Конечно, – говорю я, а затем тащусь через аэропорт с опущенной головой, надеясь избежать новых столкновений с оскорбленными фанатами.

Этот диалог остается со мной на протяжении всего времени, пока я получаю багаж и иду к моему пикапу. Я не чувствую себя виноватым из-за того, что ударил того, – он это заслужил, – но в моей груди вспыхивает искра вины за то, что я, возможно, обидел моих трудолюбивых фанатов. Это то, о чем я не подумал. Вместо этого я провел последние несколько дней, закатывая глаза из-за своей ненависти к молоку и создавая новости.

Когда на крытой парковке я замечаю свой винтажный пикап, то вздыхаю с облегчением. Практичный ли это автомобиль? Может быть, и нет. Но моя мама подарила его моему отцу, и я люблю его только за это. Даже несмотря на то, что сейчас на нем есть пятна ржавчины и он окрашен в разные оттенки серого.

У меня большие планы по его восстановлению. Небольшой подарок для себя. Хочу покрасить его в синий цвет.

Я не помню свою маму, но на фотографиях ее глаза кажутся синими, и это то, чего я хочу. Отдать небольшую дань уважения женщине, которую я так и не узнал по-настоящему.

Просто сначала нужно найти время.

С сумкой в руке я запрыгиваю в пикап. Потрескавшиеся коричневые кожаные сиденья слегка поскрипывают, когда я усаживаю свое усталое тело за руль. Пикап оживает, выпуская немного темного выхлопа, когда я выезжаю на автостраду, направляясь прямо к центру города. Мои глаза устремлены на дорогу, но мои мысли где-то в другом месте.

Когда звонит телефон, я лишь на мгновение отрываю взгляд от дороги. Вижу, как на экране высвечивается имя сестры, и не могу сдержать улыбку. Вайолет всегда заставляет меня улыбаться, даже когда все вокруг – полное дерьмо. Она позвонила мне еще до того, как у меня появилась возможность самому набрать ей.

Остановившись на красный свет, я нажимаю кнопку ответа и ставлю на громкую связь. Этот пикап определенно не оснащен Bluetooth.

– Привет, Ви, – отвечаю я, почти в крике, чтобы голос дошел до телефона, лежащего на соседнем сиденье.

– Привет. – Ее голос переполнен беспокойством. – Как ты держишься?

– Нормально. Прямо сейчас еду в офис Кипа, чтобы выяснить, какой ущерб причинил.

– Да. Приготовься. Он взвинчен, – бормочет она.

– Откуда ты знаешь?

---

⁷ Коутаун (англ. Cowtown) – досл. «коровий город», одно из прозвищ Калгари.

– Я твой экстренный контакт, указанный в документах. Он разрывал мой телефон из-за того, что ты его игнорируешь. – Теперь она смеется. – Я там даже больше не живу. Тебе нужно обновить номер.

Я ухмыляюсь, выезжая на шоссе.

– Да, но ты единственная, кто одобряет мою карьеру и не появляется только затем, чтобы прочитать мне лекцию об уходе, если что-то идет не так. По сути, ты застряла на этой работе.

– Значит, мне придется оставить мужа и детей, чтобы иметь возможность сесть в самолет и посидеть с тобой в больнице?

Это возвращает меня назад. Каждый раз, когда я получал травму в подростковом или юношеском возрасте, именно Вайолет заботилась обо мне.

– У тебя просто так хорошо получается! Но замечание справедливое. Я думаю, Коул убил бы меня, если бы я забрал тебя у него.

Я просто подшучиваю. Мне очень нравится ее муж, и это о чем-то да говорит, потому что я никогда не думал, что она встретит кого-то достаточно хорошего для нее. Но Коул такой. К тому же он бывший военный и в некотором роде устрашающий. Я бы не хотел его злить.

Теперь Вайолет хихикает. Она все еще без ума от этого парня, и я бы не мог быть более счастливым за нее.

– С ним все было бы в порядке. Я могла бы отослать его к тебе, если тебе нужен телохранитель.

– Чтобы он оставил своих девочек? Никогда.

Теперь она не смеется. Вместо этого она издает тихий хрюкающий звук.

– Ты знаешь, что, если я тебе понадобится, я рядом, верно? Я знаю, что другие не понимают. Но я понимаю. Я могу быть рядом с тобой, если тебе это понадобится.

Вот она, моя младшая сестра. Она понимает меня. Она сама немного безрассудна. Она не осуждает мой выбор карьеры, как это делают остальные члены нашей семьи. Но теперь у нее своя жизнь. Мне не нужно, чтобы она нянчилась со мной. У нее есть свои дети, с которыми нужно нянчиться.

– Я в порядке, Ви. Приезжайте всей семьей в гости, а? Или в конце сезона я вытащу свой жалкий зад к тебе. Пробежимся с тобой наперегонки на скаковых лошадях. Надеру тебе задницу. – Я пытаюсь шутить, но не уверен, что мой тон настолько убедителен.

– Да, – отвечает она. И, клянусь, я вижу, как она прикусывает губу, собираясь что-то сказать, но останавливает себя. – Я, наверное, просто позволю тебе выиграть, потому что мне так жаль тебя.

– Эй. Победа есть победа, – хихикаю я, пытаюсь поднять ей настроение.

Но все, что она отвечает:

– Я люблю тебя, Ретт. Будь осторожен. Но более того, будь самим собой. Ты очень привлекателен, когда остаешься верен тому, кто ты есть.

Она всегда напоминает мне об этом. Быть Реттом Итоном, мальчиком из маленького городка. Не Реттом Итоном, выдающимся самоуверенным наездником на быках.

Обычно я закатываю глаза, хотя в глубине души знаю, что это хороший совет. Один – настоящий я, другой – напоказ.

Проблема в том, что теперь не так много людей знают меня настоящего.

– Я тоже тебя люблю, сестренка, – говорю я, прежде чем повесить трубку и погрузиться в мысли.

Когда я подъезжаю к «Хэмилтон Элит» и нахожу место для парковки, то понимаю, что был так погружен в свои мысли, что едва помню дорогу. Я откидываю голову на спинку сиденья. Снова. И делаю глубокий вдох. Трудно сказать наверняка, в какие неприятности я попал, но, основываясь на том, как эта женщина публично отругала меня в самолете, рискну предположить, что все скверно.

Но я знаю людей в этой местности. Они трудолюбивые. Они гордые. И они обижены, потому что думают, будто люди из других слоев общества не понимают их борьбы.

И, возможно, они правы. Возможно, среднестатистический канадец на самом деле не понимает, какая непосильная работа связана с сельским хозяйством. С заполнением полок наших продуктовых магазинов.

Но я? Я понимаю.

Просто чертовски ненавижу молоко. Все это настолько странно, что почти смешно.

Я вхожу в роскошное здание. Все блестит. Пол. Окна. Двери лифта из нержавеющей стали. Это заставляет меня захотеть оставить пятна руками, просто чтобы все испортить.

Охранник кивает мне, проходя мимо, и я вхожу в лифт с группой хорошо одетых людей. Поджимаю губы, чтобы подавить ухмылку, когда одна женщина смотрит на меня с едва сдерживаемым осуждением.

На мне поношенные ковбойские сапоги – я бы не удивился, если бы на подошве все еще осталось коровье дерьмо, – и идеально сидящие джинсы, дополненные коричневой курткой из овчины. Еще у меня длинные волосы, как раз такие, как мне нравится.

Дикие и непослушные. Совсем как я.

Но не такие, какие нравятся этой женщине. То, что она испытывает ко мне отвращение, ясно как день.

Итак, я подмигиваю ей и говорю:

– Здравствуйте, мэ.м.

У парней из Альберты нет резкого акцента, но, когда ты проводишь свою жизнь на родео с парнями, у которых он есть, ему довольно легко подражать. Жаль только, что у меня нет с собой ковбойской шляпы, чтобы дополнить картину.

Женщина закатывает глаза, а затем нажимает пальцем на кнопку с надписью «ЗАКРЫТЬ ДВЕРИ». В следующий раз, когда двери плавно открываются, она проносится через них, не оглядываясь.

Я все еще посмеиваюсь над этим, когда поднимаюсь на этаж, где находится «Хэмилтон Элит». Судя по тому, как загораются глаза секретарши, когда я вхожу, она не разделяет мнение женщины из лифта обо мне.

Честно говоря, большинство женщин этого не делают. Фанатки ковбоев⁸, городские девушки, деревенские девушки. Я всегда был сторонником равных возможностей, и я действительно люблю женщин. Но не отношения.

«Прогулка по беспутному кварталу»⁹ – так недавно назвала меня одна женщина после того, как мы провели целый день взаперти в гостиничном номере, празднуя мою победу. В тот момент было весело, но в конце я почувствовал себя немного опустошенным.

– Ретт! – Голос Кипа разносится по фойе еще до того, как я успеваю поболтать с девушкой за стойкой регистрации.

Полный блокиратор члена.

– Спасибо, что пришел прямо сюда. – Он шагает ко мне и протягивает руку, а затем пожимает мою так сильно, что мне почти больно. Это рукопожатие – его способ выместить некоторую агрессию за ту неприятность, в которую я влип. Фальшивая, натянутая улыбка на его лице – доказательство этого. Владелец агентства обычно не приветствует своих клиентов на стойке регистрации, а это значит, что я определенно облажался.

---

⁸ Buckle bunnies (*англ.*) – «пряжка кролика», жаргонный термин, обозначающий пряжку ремня, который вручают победителю родео. Термин также обозначает поклонниц ковбоев – участников родео, которые специально наряжаются, чтобы привлечь внимание.

⁹ «Walk on the Wild Side» – фильм 1962 г. о мужчине, который находит свою возлюбленную в одном из публичных домов, а также песня Лу Рида, известного американского музыканта, одного из основателей и лидеров рок-группы The Velvet Underground, написанная им в 1972 г.

– Не проблема, Кип. Я плачу тебе большие деньги, чтобы ты мог мной командовать, верно?

Мы оба смеемся, но мы также оба знаем, что я только что напомнил ему, что это я ему плачу. А не наоборот.

Он хлопает меня по спине, и у меня стучат зубы. Он важный человек.

– Следуй за мной. Давай поболтаем в конференц-зале. Поздравляю тебя с победой в эти выходные. В этом году ты отлично справляешься.

В моем возрасте я не имею права выигрывать столько турниров, сколько выиграл в этом сезоне. Я должен катиться под откос, но прямо сейчас звезды сошлись. И «Трехкратный чемпион мира» звучит намного лучше, чем «Двукратный чемпион мира». И три золотые пряжки на моей полке будут смотреться лучше, чем две.

– Иногда звезды сходятся. – Я улыбаюсь ему, пока он ведет меня в комнату, где стоит длинный стол, окруженный обычными черными офисными стульями, на одном из которых сидит обычный мужчина. Каштановые, коротко подстриженные волосы. Карие глаза. Серый костюм. Скучающее выражение лица. Ухоженные ногти. Мягкие руки. Городской парень.

Рядом с ним сидит женщина, которая совсем не выглядит обычной. Темно-каштановые волосы, отливающие цветом красного дерева, когда на них попадает солнце, скручены в тугий пучок на макушке. Очки в черной оправе кажутся слишком большими для ее изящного кукольного личика. Почти чрезмерно пухлые губы слегка изогнуты и накрашены розовой помадой, что странным образом делает ее образ цельным и гармоничным.

Ее рубашка цвета слоновой кости застегнута на все пуговицы, кружевная отделка туго обтягивает горло. Руки скрещены на груди в защитном жесте, а сверкающие шоколадные глаза ничего не выражают, когда она оценивающе смотрит на меня поверх очков.

Мне хватает ума не судить о книге по обложке. Но слово «напряженная» мелькает у меня в голове, пока я оцениваю ее в ответ.

– Присаживайся, Ретт. – Кип выдвигает стул на месте прямо напротив женщины и плавно опускается на сиденье рядом с моим, прежде чем сцепить пальцы под подбородком.

Я сажусь на стул и отталкиваюсь от стола, закидывая ногу на колено.

– Хорошо. Отшлепай меня, чтобы я мог пойти домой, Кип. Я устал.

Кип приподнимает бровь и внимательно смотрит на меня.

– Мне не нужно тебя шлепать. Ты официально потерял спонсорство «Дэйри Кинг», и я думаю, что это достаточно плохо.

Я откидываюсь на спинку, и моя шея краснеет. То же самое ощущение, что и в детстве, когда попадаешь в беду. Пропустил комендантский час. Прыгнул с моста с большими детьми, когда не следовало этого делать. Вторгся на ферму Янсенов. Всегда что-то было. Я никогда не был *не* в беде. Но это совсем другое. Это не детские забавы и игры. Это мой заработок.

– Ты, должно быть, шутишь надо мной.

– Я бы не стал шутить по этому поводу, Ретт. – Стиснув губы, он пожимает плечами. Взгляд говорит: «Я не злюсь, я разочарован». И я ненавижу это различие, потому что в глубине души я терпеть не могу подводить людей. Когда они злятся, это значит, что они заботятся о тебе. Хотят для тебя лучшего. Знают, что ты способен на большее. Когда они так безразличны, это выглядит так, будто бы они ожидали, что ты все испортишь.

Вот почему я всегда говорю, что мне все равно, что люди думают обо мне. Чтобы у них не было возможности заставить меня чувствовать себя так – очевидно, это не работает.

Я ерзаю на своем месте, бросая взгляд на двух других людей в комнате. У парня хватает здравого смысла посмотреть на бумаги перед собой.

Но молодая женщина удерживает мой взгляд. То же самое непоколебимое выражение на ее лице. И почему-то я просто знаю, что она осуждает меня.

Я провожу рукой по рту и прочищаю горло.

– Ну и как нам их вернуть?

Кип откидывается назад с глубоким вздохом, постукивая пальцами по подлокотникам кресла, в котором сидит.

– Я не уверен, что мы сможем. На самом деле я думаю, что нам, возможно, стоит сосредоточиться на контроле ущерба. Надеюсь, другие спонсоры не уйдут. «Вранглер». «Ариат»¹⁰. Это компании, которые знают свою клиентуру. И их клиентура – люди, которых ты разозлил. Не говоря уже о том, что ударить человека с включенной камерой – пиар-кошмар.

Я задираю голову, смотрю на потолок и громко сглатываю.

– Кто знал, что не любить молоко – преступление? И этот парень заслужил, чтобы ему вправили челюсть.

Женщина напротив издает легкий смешок, и я поворачиваю голову к ней. И снова она не отводит взгляда. На что, черт возьми, она уставилась?

Она просто ухмыляется. Как будто то, что я остался без многомиллионного спонсорства, это смешно. Я устал. У меня все болит. Мое терпение на пределе. Но я джентльмен, поэтому провожу языком по передним зубам и снова сосредотачиваюсь на Кипе.

– Если бы эта камера не снимала, все было бы в порядке. Но не стоит вслух говорить о нападении на кого-то. Я надрывал задницу, чтобы удержать этого ублюдка от предъявления обвинений.

Я закатываю глаза. Я почти уверен, что «надрывал задницу» значит «потратил кучу твоих кровно заработанных денег, чтобы заткнуть этому парню рот».

– Почему камера вообще вращалась? Это было подстроено?

Кип вздыхает и качает головой.

– Это уже не имеет значения, правда? Ущерб нанесен.

– Дерьмо. – Я стону и позволяю своим глазам на мгновение закрыться, пока двигаю плечами, оценивая, насколько болит правое. Мое приземление в последнем заезде не было идеальным. Слез как начинающий.

– Итак, у меня есть план.

Я смотрю на Кипа сквозь полуприкрытые веки.

– Я уже ненавижу его.

Он смеется. И улыбается. Потому что этот ублюдок знает, что держит меня в ежовых рукавицах. Мы оба знаем, что мои дни сочтены. Я совершил ошибку, сказав ему, что моей семье нужно больше денег, чтобы содержать ранчо в долгосрочной перспективе. Я сделаю то, что нужно, чтобы комфортно жить где-нибудь на нашей земле, а затем стану работать со своим старшим братом Кейдом, чтобы поддерживать ранчо «Колодец желаний» в должном состоянии.

То, что нужно сделать для семьи. Все, что нужно.

– Прекрасно. Мы оба знаем, что ты все равно это сделаешь.

Я свирепо смотрю на него. Что за придурок.

Кип жестом указывает через стол.

– Это Саммер. Она новенькая в команде. Была здесь стажером в течение нескольких лет. Она также твоя новая тень.

Я хмурю брови и морщу нос. Потому что этот план уже пахнет дерьмом.

– Подробнее.

– В течение следующих двух месяцев, вплоть до окончания чемпионата мира в Лас-Вегасе, она будет работать твоим ассистентом. Тебе нужен представитель для связи со СМИ. Кто-то, кто понимает общественное восприятие и может помочь тебе отшлифовать имидж. Вы двое обсудите и разработаете план. А потом она посоветуется со мной, чтобы я не придур-

---

¹⁰ Ariat International – американский бренд обуви, одежды и аксессуаров для верховой езды и активного отдыха.

шил тебя за то, что ты такой огромный придурок. Я уверен, что она сможет помочь тебе и с любой другой административной работой, если это понадобится. Но в основном она будет рядом, чтобы присматривать за тобой и уберечь тебя от неприятностей.

Я бросаю взгляд на женщину, и она кивает, совершенно не выглядя встревоженной этим предложением.

– Теперь я уверен, что ты шутишь. Потому что ты ни за что не назначил бы мужчине моего возраста разрекламированную няню. Это просто оскорбительно, Кип.

Я хочу, чтобы он расхохотался и сказал мне, что это и правда шутка.

Но он этого не делает. Он просто смотрит на меня в ответ так же, как эта женщина, давая мне время осознать то, что он уже решил за меня.

– Да ну на хрен. – Я недоверчиво смеюсь и сажусь прямее, чтобы осмотреть комнату в поисках какого-нибудь доказательства того, что все это отличный веселый розыгрыш. Что-то, во что мои братья наверняка втянули бы меня.

Но единственное, что я получаю, – еще больше тишины.

Это не тренировка, не шутка. Это дурацкий кошмар.

– Нет, спасибо. Я выбираю этого парня. – Я указываю на сидящего за столом мужчину. Того, что даже не может посмотреть мне в глаза. Он идеально подойдет мне, чтобы притвориться, что его не существует. Не эта напряженная властная стерва, которая пялится на меня, как на тупую деревенщину.

Кип снова складывает руки домиком и скрещивает ноги.

– Нет.

– Нет? – В моем голосе звучит недоверие. – Я плачу тебе, а не наоборот.

– Тогда найди кого-нибудь другого, кто исправит этот дерьмовый шторм лучше, чем я. Только помни, что на кону будущее вашей семейной фермы.

Жар разливается по моим щекам, едва тронутым щетиной. И на этот раз я совершенно лишаюсь дара речи.

Молоко. Я уничтожен гребаным молоком.

Лист простой белой бумаги скользит ко мне с другого конца стола. Бежевые отполированные ногти дважды стучат по нему. Ханжа.

– Напиши здесь свой адрес, пожалуйста.

– Мой адрес? – Я смотрю вверх, чтобы встретиться с ее взглядом.

– Да. Место, где ты живешь. – Клянусь, у нее дергается щека. Это чертовски грубо.

Я поворачиваюсь к Кипу.

– Почему я должен давать свой адрес этой девчонке?

Он улыбается и тянется вперед, чтобы похлопать меня по плечу.

– Ты не Питер Пэн, Ретт. Ты не потеряешь свою тень. Не в ближайшие два месяца.

Мои мысли путаются. Он не может иметь в виду...

– Куда ты идешь, туда идет и она.

Кип одаривает меня злобной улыбкой, не той, которой он одарил меня, когда я вошел в комнату. Нет, эта полна предостережения.

– И, Итон, эта девчонка – моя дочь. Моя принцесса. Так что следи за своими чертовыми манерами, держи свои руки при себе и старайся избегать неприятностей, ладно?

Язвительная принцесса должна жить на ранчо со мной? Боже мой, это намного хуже, чем я себе представлял.

С тех пор как появилось это гребаное видео, мои выходные катятся под откос, и, когда я вылетаю из блестящего офиса, лучше не становится, потому что я осознаю, что забыл подключить счетчик на замечательном парковочном месте, которое занял.

3

Саммер

Саммер: Еду туда сейчас.

Папа: Береги себя. Не позволяй этому засранцу залезть к тебе в штаны.

Саммер: Мне больше нравятся юбки.

Папа:...

– Ладно, подожди. Ты надолго исчезаешь?

– Ну, я не исчезаю, Вилс. Я примерно в часе езды от города. Дорога от дома до твоей конюшни занимает ненамного меньше времени.

– Меня нужно предупреждать о подобных вещах. С кем я должна пойти на пьяный бранч? Что, если я найду совершенно нового лучшего друга, пока тебя не будет?

Я смеюсь над этим. У моей лучшей подруги есть склонность драматизировать. Это часть ее очарования.

– Тогда, я думаю, ты никогда по-настоящему не любила меня, – задумчиво отвечаю я.

– Это худшая новость. Во всяком случае, для меня. У тебя, наверное, кружится голова. И трусики намокли. Помнишь ту фотографию, которую ты...

– Вилла, пожалуйста. Это было очень давно. Я взрослая. Я профессионал. Горячие спортсмены – моя каждодневная работа. Не ставь меня в неловкое положение.

Она стонет.

– Тебе обязательно быть такой ответственной? И сознательной? Это заставляет меня чувствовать себя ребенком.

– Ты не ребенок. Возможно, больше похожа на подростка. – Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь убедиться, что еду правильно, потому что пыльные проселочные дороги едва разли-

чимы. Но вижу впереди знак «Рейндж-роуд»¹¹ и поворачиваю как раз вовремя, шины скользят по гравиию.

– Думаю, я смогу с этим жить. Взрослеть – хуже всего. Это просто не для меня, понимаешь?

Я снова смеюсь. Вилла уже достаточно взрослая. Она просто игривая. Она веселая. Она подходит мне.

– У тебя строгие порядки со всеми парнями в баре. Думаю, ты более взрослая, чем тебе кажется.

– Возьми свои слова назад! – Она смеется, а потом добавляет: – И трахни ковбоя. Сделай это.

Вилла всегда была и остается той, кто меня успокаивает, кто поддерживает меня, когда мне плохо, это она гладила меня по спине, когда я плакала из-за Роба.

Но иногда она ошибается.

– Ты хочешь, чтобы я разрушила свою многообещающую карьеру, переспав со своим подростковым кумиром, который, судя по всему, ненавидит меня до глубины души? О, спасибо. Я обязательно подумаю над этим.

– Это все, о чем я прошу, понимаешь?

Мы хихикаем вместе, как делали это последние пятнадцать лет. У меня не так много друзей. Но я предпочла бы иметь одну Виллу, чем целую группу людей, которые на самом деле меня не понимают.

Я замечаю впереди подъездную дорожку и замедляю движение, чтобы прочитать цифры на заборе.

– Мне нужно идти. Я напишу позже.

– Буду ждать. Люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, – рассеянно говорю я, прежде чем вздохнуть с облегчением: цифры совпадают с теми, что Ретт написал на клочке бумаги. Я выключаю Bluetooth и сворачиваю на подъездную дорогу, готовая столкнуться с любым беспорядком, в который меня втянул мой отец.

Заборы из необработанных столбов тянутся вдоль территории. Главные ворота пропускают меня, и эти столбы возвышаются высоко над дорогой. Перекладина, пересекающая верхушку, украшена кованым железным знаком в форме колодца желаний. А внизу, на двух узких цепочках, болтается деревянная плита с выбитыми на ней словами «Ранчо «Колодец желаний».

Территория вокруг Честнат-Спрингс действительно поражает. Я чувствую себя так, словно перенеслась на съемочную площадку «Йеллоустоуна»¹². И у меня от этого совершенно кружится голова. Прощай, душный офис, здравствуй, бескрайняя земля.

Ретт Итон что, смотрит на меня так, будто я сбитое животное?

Да.

Но в восторге ли я от того, что покинула офис и займусь чем-то другим?

Тоже да.

Я собираюсь по-настоящему насладиться этим. Собираюсь взять быка за рога, выполняя эту задачу. Я хихикаю над своей шуткой, когда протягиваю руку вперед и убавляю громкость альбома The Sadies, который включила до того, как Вилла позвонила мне.

Я оглядываюсь по сторонам и снижаю скорость. Я поворачиваю голову, когда гравий хрустит и трещит под колесами моего автомобиля. Клянусь, с каждым взглядом вид становится все лучше и лучше. Март в Южной Альберте немного прохладный. Может быть холодно и

---

¹¹ Range Road – дорога в Канаде, проходящая с севера на юг.

¹² «Йеллоустоун» – американский телесериал в жанрах драмы и современного вестерна, написанный сценаристами Тейлором Шериданом и Джоном Линсоном.

снежно, но потом появляется сухой ветер, и воздух становится теплым и мягким. Трава еще не стала густой. Это просто поля болотно-коричневого цвета. Как будто ты видишь, что под ним скрывается зелень, готовая появиться. Но еще не совсем.

В это время есть что-то однообразное в слегка холмистых полях, которые сливаются с серыми вершинами на западе. Скалистые горы служат границей предгорий, возвышаясь над всем своими нетронутыми белыми вершинами.

Я провела годы в офисе моего отца на тридцатом этаже, глядя в окно и мечтая оказаться там. Представляя, как провожу лето, исследуя горы и деревенские городки, лежащие между ними. Но вместо этого я оказывалась запертой в его глянцевого офиса. Или, если копнуть глубже, в бледно-зеленой комнате. Без достаточного количества энергии, чтобы встать с постели.

Неужели это рабочее задание настолько нелепо, что мне было трудно сохранять невозмутимое выражение лица во время той встречи?

Абсолютно.

Но я собираюсь извлечь из этого максимум пользы. По крайней мере, я смогу смотреть на горы и чувствовать ветер, дующий в лицо, а не вдыхать запах пригоревшего кофе и черствых круассанов, которые Марта готовит каждое утро. Или комнаты, пахнувшей антисептиком и антибактериальным хозяйственным мылом. Тем, которое не должно пахнуть, но аромат которого начинаешь чувствовать, если вдыхаешь его долгое время.

Длинная подъездная дорожка тянется передо мной, пока не исчезает в роще тесно посаженных, но безлистных тополей. Между их ветвями проглядывают очертания большого дома.

Я прихожу в себя и начинаю разглядывать его. Толстые бревна служат каркасом для дома, а сам он слегка изогнут в форме полумесяца и обрамлен деревьями, которые каким-то образом сливаются с линиями холмов позади него. Дом кажется просторным, и я отмечаю, какие в нем массивные окна. Нижняя подпорная стена покрыта каменным фасадом, который переходит во что-то вроде винилового сайдинга мягкого шалфейного цвета. Он идеально контрастирует с теплым окрашенным деревом и кровлей из кедровой дранки.

Дома, в которых я выросла, почти не вписывались в ландшафт, борясь с ним своими острыми углами и резкими тонами. Этот дом, какой бы он ни был большой, выглядит так, словно появился из-под земли. Как будто он – это часть пейзажа.

Похоже, ему здесь самое место.

В отличие от меня.

Я бросаю взгляд вниз, на свой наряд, когда выхожу из припаркованной машины. Черная трикотажная юбка, шелковая клетчатая рубашка на пуговицах и пара коричневых лодочек на высоком каблуке с красивым острым носком – нелепый выбор, учитывая обстановку.

Даже несмотря на то, что этот наряд поражает.

Я привыкла одеваться так каждый день и получаю такое удовольствие, выбирая вещи, которые заставляют меня чувствовать себя увереннее, что даже не задумываюсь о том, как забавно могу выглядеть в этой одежде.

На самом деле я ничего не знаю о том, что я должна делать. Когда Ретт нацарапал свой адрес на клочке бумаги, он так сильно надавил на ручку, что на страницах под ней остались вмятины.

А затем он вылетел из зала, как ураган, не сказав больше ни слова.

Улыбка тронула губы моего отца, когда мы все повернули головы вслед Ретту Итону. Я видела его широкие плечи, его длинные волосы. Но я определенно не смотрела на его задницу.

В конце концов, я профессионал.

– Хорошее начало, – пошутил мой отец, как только Ретт оказался вне зоны слышимости.

Итак, это были все мои инструкции. Адрес. И слова отца:

– Исправь это, Саммер. Я верю в тебя.

О, и еще:

– Не позволяй этому ублюдку пробраться в твою кровать.

Я улыбнулась и спросила:

– А как насчет его кровати?

– Ты сведешь меня в могилу, девочка, – простонал он, выходя из зала заседаний и ухмыляясь, словно Чеширский кот.

И на этом все. Словно идея вовлечь меня в жизнь моей детской любви просто замечательная. Хотя отец, вероятно, даже не помнит об этом.

Я знаю, что это испытание. Испытание огнем. Если я смогу выполнить это задание, то не только произведу впечатление на своего отца, но также докажу всем остальным в компании, что я на что-то способна. На что-то, что, как мы оба знаем, мне нужно сделать, если я планирую продвинуться по карьерной лестнице в «Хэмилтон Элит». Чтобы то, что меня приняли на работу, не казалось следствием тесных связей, я должна быть великолепной в том, что делаю.

Это нелегкое задание, но ничто в моей жизни не давалось мне легко, так что, возможно, оно не кажется таким пугающим, как должно.

– Ты няня?

Я поворачиваю голову на глубокий скрипучий голос, к переднему крыльцу дома. Пожилой мужчина с серебристыми волосами прислоняется к большому бревенчатому столбу, скрестив руки на груди, на его лице застыла ухмылка. Поношенная черная ковбойская шляпа у него на макушке опускается в знак приветствия, когда он проглатывает смешок.

– Прошло много времени с тех пор, как я приглашал в дом няню для кого-либо из моих мальчиков.

Я выдыхаю смех и опускаю плечи, сразу чувствуя себя непринужденно рядом с этим мужчиной. Ретт может смотреть на меня так, словно я букашка на его лобовом стекле, но этот человек просто очарователен.

Я улыбаюсь ему, упирая кулаки в бедра.

– Прошло много времени с тех пор, как я с кем-то нянчилась.

– Я думаю, вам было бы легче даже с самым невоспитанным ребенком, – говорит он, шагая ко мне.

У меня возникает смелая догадка о том, кто этот человек.

– Я полагаю, угроза рассказать обо всем его отцу мне несколько не поможет, да?

Мужчина улыбается в ответ – на обветренной коже вокруг его глаз появляются морщинки – и протягивает мне ладонь.

– Этому дьяволу никогда не было дела до того, что я говорю. – Он подмигивает, и я крепкожимаю его ладонь. – Харви Итон, отец Ретта. Рад с вами познакомиться. Добро пожаловать на ранчо «Колодец желаний».

– Саммер Хэмилтон. Я тоже рада с вами познакомиться. Не знала, чего ожидать, когда подъехала. Не уверена, что мы с Реттом вчера хорошо поладили, – признаюсь я.

Харви отмахивается и, когда я нажимаю кнопку, чтобы открыть задний люк, тянет руку, чтобы забрать мой чемодан.

– Ну, я приготовил для вас комнату здесь, в главном доме. Вы можете ожидать, что Ретт станет дуться, как маленький мальчик, у которого отняли его любимую игрушку. А когда его братья узнают о вас, я думаю, он будет вести себя совершенно отвратительно, потому что они устроят ему что-нибудь жесткое.

Я морщусь.

– Повезло мне.

Харви фыркает и машет рукой в сторону дома.

– Не беспокойтесь, мисс Хэмилтон. Они хорошие мальчики. Немного грубоватые, но тем не менее хорошие. – Он оглядывается на меня через плечо, на его губах насмешливая улыбка. – К тому же что-то подсказывает мне, что вы прекрасно справитесь с этой командой.

Я сжимаю губы. Если я дожила до своего возраста с Кипом Хэмилтоном в качестве отца и босса, пара ковбоев не станут проблемой, но я этого не говорю. Не хочется ничего сглазить. Поэтому я отвечаю:

– Пожалуйста, зовите меня Саммер.

Он придерживает входную дверь открытой и широко размахивает одной рукой.

– Заходи, Саммер. Давай устроим тебя и накормим, прежде чем ты встретишься лицом к лицу с маленьким монстром.

Я качаю головой и хихикаю, заходя в дом. Очевидно, моя оценка Ретта не слишком далека от истины. Или, по крайней мере, его отец не заставляет меня чувствовать, что меня ждут беззаботные времена. Камень сомнения опускается в мой желудок, тревога просачивается сквозь тело. *Что, если я не справлюсь с этим? Что, если я потерплю неудачу? Всегда ли я буду той, кто не может все сделать правильно?*

Мой внутренний монолог улетучивается, когда я осматриваю дом изнутри. Тема теплого дерева, присущая его внешнему облику, продолжается и здесь. Потолки с деревянными балками и темно-зеленые стены делают помещение уютным, несмотря на высокие открытые площадки. Полы в доме из темного дерева, широкие доски слегка потерты в некоторых местах. И, когда я смотрю, как Харви ходит по ним в своих ботинках, думаю, что понимаю почему.

Слева от себя я вижу гостиную с мягкими кожаными диванами перед огромным камином. Голова животного, похожего на оленя, висит на стене. Его черные мраморные глаза сверкают настолько ярко, что кажутся живыми. А рога, как толстые, богато украшенные ветви, тянутся высоко и нависают над ней.

Я сжимаю губы. Не имею ничего против охоты, но я настолько городская девушка, что вид этого величественного животного, подвешенного в доме, заставляет меня немного грустить об олене и о том конце, с которым он мог столкнуться.

Давайте будем честны. Я думаю о Бэмби.

Я отбрасываю эту мысль и говорю себе не падать духом. Не падать духом? О боже. Что со мной не так?

Перед нами гигантская кухня с большим деревянным столом посередине, и я уже могу представить, как все эти парни-ковбои заваливаются сюда после долгого дня на ранчо, чтобы разделить большой семейный ужин.

– Сюда, вниз. – Голос Харви уводит меня, и мы поворачиваем направо по коридору, освещенному медными бра на стенах. – Да, эта комната находится на первом этаже, но мы постараемся не шуметь по утрам. У нас с Реттом комнаты наверху, так что я подумал, что это даст тебе немного больше свободы вдаль от нас, мужчин. К спальне примыкает ванная комната. Шкаф здесь тоже самый большой.

Он останавливается с моим чемоданом. Моим очень-очень полным чемоданом.

– Думаю, что я сделал правильный выбор.

Я чувствую, что мои щеки немного порозовели. Такому мужчине, как Харви Итон, я, должно быть, кажусь настоящей городской девушкой.

– Я не знала, чего ожидать от этого задания.

Он добродушно посмеивается.

– Ожидай родео, девочка. Я люблю своего мальчика. Но он наказание. Всегда был таким. Если подумать, я не уверен, что кто-то когда-либо по-настоящему занимался Реттом. Младший мальчик и все такое. Даже его младшая сестра оказалась более зрелой из них двоих. Той, кто присматривал за ним, потому что Ретт нуждался в присмотре. Мой совет? Не дави слишком сильно. Он просто оттолкнет тебя.

Я киваю, слегка округлив глаза. Он выставляет Ретта совершенно сумасшедшим.

– Мудрый совет, мистер Итон.

Он бросает мой чемодан прямо за дверь комнаты в самом конце коридора.

– Девочка, если я зову тебя Саммер, ты зови меня Харви. Мы поняли друг друга?

Я улыбаюсь ему и вхожу в комнату.

– Поняли.

– Хорошо. – Он выходит обратно в холл. – Не торопись, располагайся. Я буду на кухне.

Когда ты будешь готова, мы можем поесть, и потом я покажу тебе окрестности.

– Замечательно. – Я одариваю его самой лучезарной улыбкой, на какую только способна, прежде чем он неторопливо уходит обратно по коридору.

Когда я закрываю за ним дверь, то прислоняю голову к прохладному дереву и делаю глубокий вдох, чтобы прогнать тревогу.

И я молюсь о терпении, потому что что-то подсказывает мне, что оно мне понадобится.

4 Ретт

Ретт: Не хочешь вернуть свою дочь? Я обещаю исправиться.

Кип: Она еще даже не там.

Ретт: Подумай о том, сколько времени ты сэкономишь ей, перезвонив сейчас.

Кип: Нет.

Ретт: Пожалуйста?

Кип: Не пытайся быть вежливым. Тебе это не идет.

Ретт: Отсоси.

Кип: Как, по-твоему, я удерживаю всех твоих спонсоров?

Саммер Хэмилтон подъехала на своем модном внедорожнике, вырядившись в нелепый строгий наряд, как будто она собралась прогуляться по городу, а не появиться на скотоводческом ранчо.

Поэтому я решил не появляться. Может, я и оказался в ловушке с ней, но мне не обязательно должно это нравиться.

А мне и не нравится. Я чертовски ненавижу, когда со мной обращаются как с ребенком или как с тупицей. Или еще хуже, как будто я какой-то преступник. Я надеялся, что сон в моей собственной постели и некоторое время на размышления о том, чтобы смириться с моим новым положением, помогут мне почувствовать себя немного менее подавленно, менее оскорбленно.

Но я все равно чувствую себя отбросом.

Вот почему я здесь вбиваю в землю столбы со своим старшим братом. Устанавливаю новые линии ограждения для некоторых из его лошадей, чтобы быть ближе к его дому, который находится прямо за гребнем большого холма, подальше от того места, где живем мы с отцом. Кейд вытаскивает столб из багажника своего пикапа и с ворчанием перекидывает его через плечо. Он больше всего похож на отца: широкие плечи, коротко подстриженные волосы. Единственное, чего не хватает, – усов. Это то, из-за чего я люблю его донимать, потому что он угрюмый засранец. Все очень просто.

– Когда ты собираешься отрастить усы и стать настоящим стариком Итоном?

Он свирепо смотрит на меня, прежде чем опустить столб и выровнять заостренный конец в нужном месте.

– Не знаю. Когда ты подстрижешь волосы, Рапунцель?

Такое приятное чувство. Такое родное. Выводить Кейда из себя – одно из моих любимых занятий в прошлом. И он такой чертовски ворчливый, что это никогда не перестанет доставлять удовольствие. Он только лает, но не кусается – один из самых милых парней, которых я знаю.

Если не обращать внимания на то, какой он придурок.

Я снимаю кепку и перекидываю волосы через плечо, стараясь не морщиться от укола боли в плече. Или в опухшем колене. Или от ломоты в спине.

Какая из меня Рапунцель? Я больше похож на Шалтая-Болтая.

– Никогда. Как я вытащу принцессу через свое окно?

Он фыркает и хватает прицепной столбостав¹³, в то время как я беру на себя удержание столба вертикально.

– Только одна принцесса, брат? Не похоже на тебя.

Я закатываю глаза. Кейд – монах в этой семье. Не думаю, что видел его хоть с одной женщиной после его развода.

– Я просто хочу, чтобы секса было достаточно для нас обоих, – вру я. Эта часть меня изменилась. В последние пару сезонов это уже не так привлекательно. Не так, как раньше. Это приносит проблемы, и я устал от необходимости проводить время с людьми, которые только чего-то хотят от меня, или с теми, которые видят во мне какой-то трофей.

Кейд протягивает руку и срывает кепку с моей головы.

– Придурок. Ты собираешься помогать мне или просто будешь стоять там с красивым видом?

Я отступаю и скрещиваю руки на груди.

– Я красивый, да? Люди продолжают говорить мне это. – Я уклоняюсь, потому что не хочу признаваться, что мое тело совершенно измотано. Все, что я получаю, – нотацию о том, что мне нужно уйти из спорта, что я слишком долго этим занимаюсь.

Проблема в том, что я зависим.

Езда на быках – это кайф, который я не могу ничем заменить. Выброс эмоций, за которым я не могу перестать гоняться.

– Дядя Ретт! – Тихий, слащавый голос заставляет меня улыбнуться, и я благодарен за то, что отвлекаюсь.

Кейд оглядывается через плечо, озабоченно сдвинув брови.

– Люк! Как дела, малыш? Я думал, ты с миссис Хилл, – говорю я.

Мой племянник улыбается мне, обнажая свои маленькие белоснежные зубки, на его лице появляется озорное выражение.

– Я сказал ей, что хочу поиграть в прятки.

---

¹³ Столбостав – специальное механизированное устройство для установки в почву столбов или кольев.

– Так...

Люк смотрит на своего отца, прячась за мной, как будто знает, что у него скоро будут неприятности. А потом он наклоняется ближе ко мне и подносит руку ко рту.

– А потом я вместо этого побежал сюда.

Его глаза расширяются, когда он замечает выражение моего лица, а затем выражение лица отца, который, вероятно, хмурится позади меня. Я стараюсь не смеяться.

Но терплю неудачу. Это выводит меня из равновесия, и я раздражаюсь громким смехом. Этот парень изматывает моего брата. Он разряжает обстановку – и бог знает, Кейду это нужно.

Тем не менее мы все – кучка слабаков, когда дело касается Люка. Наша младшая сестра, возможно, и уехала с ранчо, но теперь у нас есть Люк, которого мы обожаем.

– Деда ищет тебя, – продолжает мальчик.

– Люк. – Кейд подходит ко мне сзади. – Ты хочешь сказать, что сбежал от своей няни, чтобы помочь деду найти Ретта? Потому что это звучит так, будто ты лезешь не в свое дело.

Люк поджимает маленькие губки, и, клянусь, я чувствую, как в его голове крутятся шестеренки. Ему почти пять, он чертовски умен – настоящий нарушитель спокойствия. Но все еще слишком маленький, чтобы понять, когда он все испортил.

Он обходит этот вопрос стороной, стратегически расширяя глаза.

– Деда искал тебя дома. Он с леди.

У меня вырывается стон, потому что я знаю, что это значит. Леди. Невозможно подобрать более подходящее слово для описания Саммер Хэмилтон. Принцесса моего агента.

Взгляд моего брата устремляется на мое лицо.

– Леди? Ты наконец-то кого-то обрюхатил?

Кейд такой придурок.

– Да чтоб...

– Что значит «обрюхатить кого-то»?

Мы оба тупо смотрим на Люка, но прежде чем успеваем ответить, на вершине холма появляются отец и Саммер.

– Ты сделаешь меня снова дедушкой, Ретт? – Отец посмеивается, подходя ближе. Он не должен слышать так хорошо в его возрасте. Раздражает, что мимо него ничего не проходит.

Я упираю руки в бедра и поднимаю лицо к голубому небу, выдыхая горячий воздух и наблюдая, как он превращается в пар, танцующий в атмосфере.

– Извини, что разочаровываю, – бормочу я, поворачиваясь к ним и пытаюсь игнорировать хмурый взгляд Кейда. У него их много: довольный хмурый взгляд, усталый хмурый взгляд... Полагаю, у него даже есть какой-нибудь похотливый хмурый взгляд, который он прячет последние несколько лет.

– Саммер здесь, Ретт, – начинает отец, взглядом говоря, что мне лучше вести себя прилично. Я видел этот взгляд всю свою жизнь. – Ты не упомянул, какая она восхитительная. Ты знал, что она только что окончила юридический факультет?

Я поднимаю брови. Должен признать, что это немного впечатляет. Но также ужасает. Она чопорная, умная, образованная, и ей поручено нянчиться со мной.

И к тому же безумно красивая. Она переделалась в джинсы, и я изо всех сил пытаюсь не смотреть на то, как они облегают ее миниатюрную фигуру.

Несколькими уверенными шагами мой брат сокращает расстояние между собой и Саммер, протягивает ей длинную мускулистую руку.

– Кейд Итон. – Его голос резок, но я знаю, что он не трясет ее руку так сильно, как делает это обычно, здороваясь с кем-то. В ней есть что-то нежное, а Кейд, может, и сварливый засранец, но он также и джентльмен.

– Саммер Хэмилтон. – Она улыбается, и это все еще граничит с ухмылкой. Как будто ее все это забавляет. Когда она одна, держу пари, она мило, долго, как богатая девочка, смеется за надо мной.

– И, прости, но откуда ты знаешь Ретта? – Хмурый взгляд Кейда теперь стал любопытным.

Вот он, момент, когда все от души посмеются надо мной. Мой отец уже знает, но как бы он ни шутил, не думаю, что он может переложить на меня ответственность. Мы оба знаем, что мои придурковатые братья получают настоящее удовольствие от того, что Младший Братик попал в неприятности. Снова.

Он просто будет сидеть сложа руки и наслаждаться, наблюдая, как все это разворачивается.

Но Саммер не колеблется.

– Я новый младший агент в его фирме. Просто пытаюсь освоиться с кем-то состоявшимся. – Ее улыбка мягкая и скромно-искренняя.

И она лжет сквозь свои чертовы зубы.

Девушка хороша. Я отдаю ей должное.

Брови моего брата сходятся вместе, а глаза моего отца мерцают, когда он наблюдает за обменом репликами. Я задерживаю дыхание, надеясь, что это все, что нужно. Может быть, только может быть, мне это сойдет с рук, не поставит меня в неловкое положение.

Голова Кейда дергается.

– Но почему ты zde...

– Я голоден, – объявляет Люк.

– Еще бы, – отвечает Саммер. – Какая твоя любимая еда?

Мгновенное перераспределение. Мой папа ловит мой взгляд и подмигивает.

– Попкорн!

Почему дети всегда все восклицают? Как будто они собираются выиграть какой-то приз за то, что выкрикнули это первыми.

Саммер выгибает бедро и скрещивает руки на груди, будто анализирует ответ Люка.

– С добавлением M&M's?

– О-о-о! – восклицает Люк, в то время как остальные из нас, мужчин, морщат носы. – У меня никогда такого не было!

– Нет? – Ее глаза драматично вспыхивают, когда она приседает.

– Что такое эмнемс?¹⁴ – спрашивает Люк, признавая, что он ни черта не понимает, о чем она говорит. Это всего лишь обмен милыми репликами, но я перевожу взгляд на своего брата, гадая, не влюбился ли он в Саммер Хэмилтон с первого взгляда. Но Кейд просто кажется озадаченным.

– Это конфетки. С шоколадом. И арахисом. По дороге сюда я видела магазины, в которых они наверняка есть. Я уверена, твой папа взял бы тебя с собой, чтобы купить их.

А вот теперь Кейд выглядит невероятно раздраженным.

– Мы можем, папа? – Большие голубые глаза Люка загораются от восторга.

– После того, как ты сбежал от бедной старой миссис Хилл? – У Кейда отвисает челюсть, и он бросает на Саммер неодобрительный взгляд. Некоторые женщины съежились бы под этим хмурым взглядом, но не эта.

Она пожимает плечами и одними губами произносит:

– Извини.

---

¹⁴ В оригинале звучит как «emnemс» – при переводе сохранены особенности детского произношения.

Саммер выглядит немного огорченной, когда Кейд с Люком поворачиваются к своему дому, чтобы уйти. Но когда она оглядывается на меня через плечо, ее губы трогает самодовольная ухмылка.

И в этот момент я понимаю, что она совсем не огорчена. Весь этот диалог – совершенно преднамеренный способ прервать поток вопросов моего брата.

Чтобы помочь мне сохранить лицо.

– Я пойду помогу Кейду с Люком, – говорит отец, опуская голову, чтобы скрыть ухмылку.

Он уходит, и это значит, что Саммер и я здесь, на вершине сухого, поросшего кустарником холма, впервые остаемся совсем одни. Но она не обращает на меня никакого внимания. Просто стоит и смотрит поперек холмов на вершины Скалистых гор.

Она так неподвижна, что несколько мгновений я не могу не наблюдать за ней. Прохладный ветер свистит в голых ветвях редких деревьев. В воздухе ощущается сильный порыв, Саммер поднимает плечи, и пуховое пальто трется о серьги, а ветер развеивает за ее спиной шелковистые каштановые волосы.

А потом она выдыхает, глубоко и тяжело, и я наблюдаю, как ее плечи медленно опускаются, очарованный ее реакцией. Когда мой взгляд опускается ниже, я качаю головой. Я должен помнить, что, даже если она мне помогла, мы с ней не друзья.

Мы даже не на одной стороне.

– Используешь пятилетнего мальчика, чтобы добиться своего. Это не слишком низко?

Она издает смешок и засовывает руки в задние карманы, прежде чем повернуться ко мне лицом. Ее глаза широко раскрыты.

– Я не использовала его. Только просветила. Смешать конфеты с попкорном – жизненный опыт, который заслуживает получить каждый ребенок.

– Кейд возненавидит тебя за это.

Ее губы сжимаются, и она пожимает плечами, выглядя действительно равнодушной к такой перспективе.

– Думаю, мне остается надеяться, что я понравлюсь Брату номер три. Или, может быть, мне повезет с трифектой? ¹⁵ Заставить вас всех возненавидеть меня? Это могло бы сыграть мне на руку.

У этой девушки есть яйца.

– Ты могла бы сказать правду.

– Могла.

Мои зубы скрипят.

– Осваиваешь основы? Мы оба знаем, что ты здесь, чтобы нянчиться со мной.

Она наклоняет голову и смотрит на меня самым нервующим образом.

– Я думаю, мы видим все так, как нам хочется. Я новичок в фирме. Они только недавно наняли меня, до этого я была просто стажером... А ты состоявшийся. И я была бы идиоткой, если бы думала, что я здесь не для того, чтобы чему-то научиться. Или Кип послал бы кого-нибудь с большим опытом, нет?

Сказав это, она идет обратно к главному дому.

– Почему ты тогда просто не подставила меня? В конце концов они догадаются обо всем.

– Потому что это не моя работа. Не отставай, нам нужно кое-что обсудить.

Я задерживаюсь на несколько минут, потому что, когда Саммер Хэмилтон говорит мне прыгать, я отказываюсь отвечать вопросом: «*Как высоко?*»

---

¹⁵ Трифекта – вид комбинированной ставки в тотализаторе. В переносном значении – три сочетающихся благоприятных или неблагоприятных события.

5 Саммер

Папа: Как дела?

Саммер: Здесь так красиво.

Папа: Я имел в виду ковбоя.

Саммер: А, он? Он меня ненавидит.

Папа: Ты расположишь его к себе. Просто убедись, что он держит свой член в штанах.

Саммер: Я передам это сообщение. Верный способ расположить его к себе!

Мужчины такие хрупкие.

Я сказала Ретту не отставать, и я почти уверена, что он стоял на том поле, дуясь, просто чтобы доказать свою точку зрения. Это в некотором роде забавно. Мои губы подрагивают, когда я раскладываю свои файлы и ноутбук на столе в гостиной.

Нам нужно составить расписание на ближайшие месяцы, и для этого мне понадобится «Родо Кинг».

Наконец я слышу хлопок задней двери и тяжелые шаги, направляющиеся в мою сторону. Краем глаза я замечаю его фигуру. Его широкие плечи, непослушные волосы и темный затылок. Нужно быть мертвым, чтобы не заметить такого человека, как Ретт Итон.

Он не милый и не лощеный. Он суровый и немного грубоватый.

Он настоящий мужчина.

На сто процентов отличается от любого мужчины, которого я встречала. Такие девушки, как я, обычно не общаются с такими мужчинами, как он. Мы даже не встречаемся в одних и тех же кругах, но это не мешает мне ценить его. То, как пара «Вранглеров» подходит ему, не изменилось с его первых дней на заезде.

– Я боялась, что на тебя напал медведь, – объявляю я, усаживаясь на одно из кожаных клубных кресел.

– Черные медведи редко нападают на людей, – хрипит он, входя в гостиную и разглядывая мои бумаги так, как будто это может быть взрывчатка или что-то в этом роде.

– Гризли?

– В основном держатся гор, – ворчит он.

– Ладно. Кугуар?

Он возвышается надо мной и приподнимает бровь.

– Да, – вздыхаю я и откидываюсь на спинку удобного кресла, чувствуя давление его медового взгляда на мое тело. – Ты определенно выглядишь как приманка для пумы.

Он качает головой, в то время как я сдерживаю усмешку.

– Это будут долгие два месяца.

– Ты всегда можешь броситься в тот колодец, который я видела на обратном пути к дому, и избавиться себя от страданий.

Этот комментарий отрезвляет его, и вместо того, чтобы ответить чем-нибудь легкомысленным, он усаживается на диван напротив меня и проводит руками по волосам. Между нами царит молчание, пока я внимательно рассматриваю его.

– Моя мама обычно загадывала желания у этого колодца вместе со мной и моими братьями. Совсем этого не помню.

Чееееерт. Поговорим о том, что ты погорячилась, Саммер. Щемящее чувство в груди заставляет меня шумно откашляться.

– Мне жаль, – говорю я. Потому что это действительно так.

Он просто кивает, и я решаю сменить тему. Вернуть разговор к безопасному предмету, то есть к работе. Наше соглашение, которое он так ненавидит, предпочтительнее того, где я только что перегнула.

– Расскажи мне, как выглядели для тебя следующие два месяца до того, как я появилась.

– Ты имеешь в виду, до того, как я связался с тобой? Они выглядели довольно здорово.

Я просто киваю и тихо говорю:

– Да-а-а. – Покручиваю пальцем у виска, как будто раскачиваю лассо. Потому что не похоже, что он получает удовольствие. Он ведет себя так, будто я его враг, хотя на самом деле я здесь просто для того, чтобы облегчить ему жизнь.

Я тянусь к ежедневнику перед собой, беру свою любимую серебряную ручку и продолжаю смотреть на него, пока он не заговорит. Слушаю и отмечаю конкретные даты, пока он зачитывает их со своего телефона, полностью избегая зрительного контакта со мной.

Мы обмениваемся номерами телефонов и адресами электронной почты, и я ясно даю понять, что он должен вести себя как хороший мальчик, к которому никто не сможет придраться в течение следующих восьми недель.

Я не вдаюсь в подробности, потому что надеюсь, что он улавливает то, что я имею в виду, когда говорю о его поведении – Маленькому Ретту нужно оставаться в штанах. Потому что необходимость диктовать мужчине сексуальную активность просто выходит за рамки моей зарплаты. Кип может сам позвонить ему и сообщить эти подробности. Ретту и мне нужно сохранить какое-то подобие достоинства, если мы собираемся провести следующие два месяца вместе.

Ретт отвечает ворчанием и смотрит в потолок, как будто хочет, чтобы он разверзся и поглотил его целиком. И, откровенно говоря, я не могу его винить.

– Хорошо. – Я постукиваю пальцами по открытой странице передо мной. – Итак, у нас есть три отборочных турнира. Пайн-Ривер – первый, затем Блэквуд-Крик и потом здесь, в Калгари. Это в некотором роде мило. В вашем туре всегда была остановка здесь?

– Ага.

– Нет покоя грешникам ¹⁶, да? Они идут подряд.

Он вздыхает и наконец на мгновение задерживает на мне взгляд.

– Всемирная федерация родео на быках, или ВФР, настолько конкурентоспособна, насколько это возможно. Если бы я уверенно не находился впереди и гонялся за очками, я бы, вероятно, сделал еще два заезда перед Вегасом. Обычно мы ездим туда каждые выходные.

– Точно. Мировой финал в Вегасе. – Я смотрю на дату в календаре. В этот день я освобожусь от этого задания и от этого ворчливого ковбоя.

– Чемпионат, а не финал. Ты вообще что-нибудь знаешь об этом виде спорта?

Я рисую звезду на этом квадрате календаря и тоскливо вздыхаю, прежде чем снова поднять голову, чтобы посмотреть на Ретта, сидящего напротив меня и занимающего почти все место на диване. Длинная рука перекинута через спинку, а ноги широко раздвинуты.

Мэнспрединг ¹⁷.

– Нет. Только то, что я нашла в Интернете. Но уверена, ты бы с удовольствием мне все об этом рассказал.

Он смотрит на меня так, словно пытается понять, как его жизнь превратилась в это, а затем спрашивает:

– Почему тебе нужно было идти на юридический факультет, чтобы стать агентом?

– Не нужно. Ну, не совсем. Но это большая работа по контракту, так что это определенно помогает.

– Ха, – это все, что он говорит, крутя серебряное кольцо на пальце. – Много занятий. Тебе, должно быть, это нравится.

Я одариваю его ровной улыбкой. Не уверена, что зашла бы так далеко, но я не собираюсь говорить об этом клиенту.

– Да. Ты можешь мне объяснить подсчет очков? Чтобы я понимала, что я буду смотреть в следующие выходные?

Он подозрительно смотрит на меня, а потом начинает:

– Итак, у нас есть двое судей. Каждый судья выставляет наезднику оценку от одного до двадцати пяти, быку тоже от одного до двадцати пяти. Сложи их и получишь общий балл из ста.

– И по чему они судят? – Я надеюсь, что, если я смогу заставить его говорить о чем-то, что ему нравится, он немного отгадет.

– Важны несколько вещей. Их ловкость, скорость, поворачиваются ли они. Если тебе достается бык, который бежит по арене по прямой линии, ты не получишь хороших очков за стиль. Но стоит вытаскишь того, кто захочет тебя убить, и он закружится по кругу, пытаясь сбросить тебя, – вот это здорово. – Ретт удивительно оживлен, когда рассказывает о спорте. Его возбуждение почти заразительно.

– Тогда наезднику приходится беспокоиться о своем положении. Своем равновесии. О контроле. – Он показывает мне, как это выглядит, перемещая руки в нужное положение. – О том, как он удерживает быка. Если ты сможешь подстегнуть его, он будет сопротивляться сильнее, и за это начислят дополнительные очки. И, конечно, ты должен продержаться целых восемь секунд.

– А если ты этого не сделаешь?

Он прищелкивает языком и наклоняет голову.

– Тогда никаких очков.

Я выдыхаю и постукиваю ручкой по столу.

– Сделай или умри, да? Я не могу дождаться, когда увижу это вживую.

Теперь он оглядывает меня с ног до головы, как будто не может до конца понять.

---

¹⁶ Пр. Исаия, 48:22.

¹⁷ Мэнспрединг – привычка мужчин сидеть с широко раздвинутыми ногами, занимая больше одного места.

– Да. – Его язык прижимается к щеке. – Это действительно будет что-то.

Я не знаю, что, черт возьми, должно означать подобное высказывание, поэтому просто продолжаю:

– Я закажу нам авиабилеты и отели на эти даты. Мы должны прилететь на день раньше и улететь на день позже?

– Отдельные комнаты.

Я закатываю глаза.

Прощай, весь этот позитивный сдвиг. Этот парень действительно нервирует. Он заставляет весь мой профессионализм исчезнуть.

– Да ладно.

– Просто пытаюсь обозначить границы, принцесса. – Он издевается надо мной, но я не поддаюсь. Даже несмотря на то, что до глубины души желаю, чтобы Кип перестал называть меня так – особенно в присутствии других людей. – Твой отец сделал вид, что ты собираешься посадить меня на поводок.

– Только если ты увлекаешься подобными вещами. – Слова вылетают прежде, чем я осознаю, что говорю. Я вскидываю голову, чтобы оценить его реакцию. Я так привыкла к едким комментариям моего отца вместе со всеми остальными в офисе, что мне комфортно играть эту роль, даже с таким скучным человеком, как Ретт Итон.

Он смотрит на меня с самым невозмутимым выражением лица, когда задняя дверь снова открывается. Наш разговор прерван.

Люк со всех ног влетает в дом и прыгает на колени к Ретту. Слышатся еще более тяжелые шаги и глубокие голоса. Кейд заходит на кухню первым, за ним его отец, а затем еще один мужчина, должно быть, третий брат.

Он точная копия любого другого мужчины в этой семье, только глаза у него светлые. И он улыбается, как и его отец.

– Ты, должно быть, Саммер, – говорит он с одобрительной улыбкой, прислоняясь к дверному косяку. Его волосы коротко подстрижены, и в нем есть лоск, которого нет у Ретта и Кейда.

– Это Бо, – говорит Харви, выдвигая стул за огромным столом. – Ты застала его дома между командировками. – Я не могу не улыбнуться в ответ пожилому мужчине. Его гордость выплескивается повсюду.

Харви Итон любит своих мальчиков с яростью, которой я восхищаюсь.

– Приятно познакомиться с тобой, Бо. Я Саммер Хэмилтон. – Я мягко улыбаюсь, мне уже нравится семейная атмосфера здесь, в уютном доме. Даже если это избыток тестостерона.

– Вы уже закончили свою встречу? – спрашивает Харви, в то время как Кейд начинает рыться в холодильнике и доставать продукты для ужина.

– Да, – объявляет Ретт, прежде чем я успеваю что-либо сказать.

Я встаю, чувствуя себя достаточно отрешенной из-за холодного тона Ретта.

– Я не буду мешать.

– Куда ты направляешься, леди? – спрашивает Люк. – Сейчас время ужина. Я думал, ты теперь живешь здесь? Я слышал, как дедушка сказал это.

Я делаю глубокий вдох и смотрю вниз на Ретта: его глаза закрыты, на лице играет легкая улыбка.

Ему это идет.

– Ты сейчас здесь живешь? – Кейд вскидывает голову, на его лице появляется, кажется, его любимое выражение – стервозное.

– Эм. Только на некоторое время. – Мой взгляд останавливается на Харви, который качает головой и смотрит вниз, как будто знает, что сейчас произойдет.

– Подожди. – Голова Бо поворачивается между Реттом и мной, в каждой черте проглядывает веселье. – Твой агент живет с тобой? Почему?

- Это временно... – начинаю я.
- Это потому, что ты ударил того парня? – Бо продолжает, его умные глаза так ясно видят происходящее.
- Ты ударил кого-то? – спрашивает Кейд, сдвинув брови.
- Братец. Вам нужно время от времени включать телевизор. Вы живете в темные века. – Бо смеется.
- Кейд поворачивается к Ретту, который все еще не открыл глаза.
- Он заслужил это?
- Теперь Ретт улыбается по-настоящему широкой улыбкой.
- Чертовски сильно.
- Плохое слово, дядя Ретт! – Люк с самодовольной улыбкой хлопает руками по ушам. Мой взгляд мечется между мужчинами в комнате, живущими в своем комфортном мире. Это забавно. Это очаровательно. Это так отличается от того, каким был дом моего детства.
- Он в затруднительном положении со своими спонсорами, вот и все, – уточняю я.
- Кейд ворчит, нарезая морковь.
- Когда у него не было неприятностей?
- Подожди. – Лицо Бо светлеет. – Тебе назначили няню?
- Ретт стонет и откидывает голову на спинку дивана.
- Мне тоже не нравится моя няня, дядя Ретт. – Люк гладит его, как собаку, и из меня вырывается смех. Потому что Ретт предсказал это. Харви предсказал это. Они точно знали, как все будет происходить, и такая степень близости согревает меня. Здесь уже царит хаос, и мне это нравится. От воодушевления у меня кружится голова.
- Следи за своими манерами, Лукас Итон, – произносит Кейд, вытаскивая сковороду из-под плиты. – Отвечай на вопрос, Ретт.
- Ретт бросает взгляд на Бо и говорит:
- Вы можете связаться с моим агентом и получить комментарий.
- Бо хрипло смеется и смотрит на меня, подняв руки в молитвенном жесте.
- Пожалуйста, Саммер. Порадуй меня. Скажи мне, что он наказан. Скажи мне, что он, тридцатидвухлетний мужчина, с постоянной няней.
- Я сжимаю губы, стараясь подобрать слова, чтобы не подставлять Ретта – как бы сильно мне этого ни хотелось.
- Я новичок в фирме. Это задание позволит мне получить некоторый опыт работы за пределами офиса.
- Да. Мне она тоже так сказала, – вмешивается Кейд, приправляя огромный кусок говядины. – Хотя я думаю, что мисс Хэмилтон, возможно, полное брехло.
- Следи за своими манерами, папочка! – кричит Люк, и в это же время раздается голос Харви:
- Кейд!
- Я прижимаю руку ко рту, чтобы скрыть улыбку. Когда ты растешь рядом с Кипом Хэмилтоном, несколько плохих слов не могут тебя смутить.
- Я пойду поужинаю в городе, оставлю вас наедине. Не хочу быть помехой.
- Бо поднимает руку, чтобы остановить меня.
- Ни за что, Саммер. Ты присядешь и расскажешь нам все за знаменитым тушеным мясом, приготовленным Кейдом. А потом я предлагаю нам всем отправиться в город и выпить в «Рейлспур», чтобы ты могла получить теплый прием в Честнат-Спрингс и познакомиться с моим приятелем Джаспером.
- Джаспер дома? – Харви, с веселым выражением лица наблюдавший за внуком, поднимает голову.

И вот так я втягиваюсь в ужин, состоящий из сытной домашней еды, дружеских насмешек и приятного смеха.

Теперь, когда разговор не касается только нас, даже Ретт повеселел, хотя и продолжает избегать моего взгляда.

6 Саммер

Вилла: Я уже скучаю по тебе. Весело проводишь время, играя в «Ад на колесах»¹⁸?

Саммер: Что?

Вилла: Твой ковбой. Я поискала его в Интернете. Он выглядит как горячий парень из «Ада на колесах». Ну тот, с длинными волосами. Ты знала, что они снимали этот сериал там?

Вилла: Ты должна трахнуть его.

Саммер: Нет.

Вилла: Хочешь, я распечатаю его фотографию для твоей стены?

Саммер: Я совсем не скучаю по тебе.

Ретт и я едем в полной тишине, и это хорошо. Это дает мне возможность познакомиться со всем, что я вижу за окном.

– Поверни здесь. – Один небольшой поворот выводит нас на тупиковую боковую улочку, в конце которой находится «Рейлспур».

Паб – это не то, чего я ожидала от маленького городка. На самом деле сам Честнат-Спрингс – это не то, чего я ожидала от маленького городка. Думаю, мы с отцом посмотрели слишком много старых вестернов, и теперь я начинаю понимать, что я действительно неосведомленная городская девушка.

Потому что Честнат-Спрингс прекрасен. Выложенные кирпичом тротуары на главной улице очаровательны, как и декоративные фонарные столбы с маленькими городскими флагами, свисающими с них. Предприятия здесь сохранили исторические фасады, хотя в остальном их модернизировали или доработали. Старые кирпичные здания с эффектными арками или очаровательными красочными навесами выстроились по обе стороны Розвуд-стрит, главной улицы города.

---

¹⁸ «Ад на колесах» – американский драматический сериал о бывшем солдате Конфедерации Каллене Бохэннэне, который хочет отомстить за смерть своей жены.

И паб – тоже не какая-нибудь забегаловка в маленьком городке. Это... ковбойский стиль.
– Это старая железнодорожная станция? – спрашиваю я, въезжая на парковку, на которую Ретт только что молча указал.

– Ага.

– Пожалуй, по названию можно было бы догадаться¹⁹, – говорю я в основном для себя, поскольку Ретт ограничивается ворчанием и односложными ответами – прежде чем остановиться на месте, которое не слишком далеко от двери.

Он хмыкает.

Я поворачиваюсь к нему: он отстегивает ремень безопасности, как будто хочет выбраться как можно быстрее.

– Ты всегда такой немногословный? Или это специально для меня?

– Мне это не нужно, – бормочет он перед тем, как захлопнуть пассажирскую дверь у меня перед носом и устремиться к бару.

Я откидываюсь на спинку сиденья и пренебрежительно фыркаю.

Как и всегда, спрашиваю себя.

Если бы это было мое последнее мгновение в жизни, каким бы я хотела, чтобы оно было?

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, будто это может помочь набраться терпения, чтобы справиться с приставленным ко мне большим засранцем – наездником на быках. Потому что в свои последние минуты я бы хотела чувствовать себя счастливой. Если я выйду из этой машины и меня собьют, я хочу быть в хорошем настроении, а не злиться на какого-нибудь длинноволосого, широкоплечего, круглолицего ковбоя.

Саммер Хэмилтон так не поступает.

Только не сегодня.

Вдруг моя дверь резко распахивается.

– Тебя что, удар хватил? – Ретт смотрит на меня сверху вниз, губы недовольно поджаты.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, в замешательстве нахмурив брови. Я думала, он ворвался в бар.

– Открываю для тебя дверь. А теперь выходи.

Мои губы приподнимаются, и я тихо хихикаю, когда понимаю, что он пытается выглядеть джентльменом, в то же время будучи сварливым засранцем. Я выхожу из своего внедорожника, похлопываю по капоту и тихо говорю машине:

– Прости. – Потому что этот придурок слишком сильно хлопнул дверью.

Мы не смотрим друг на друга, пока идем, но Ретт мягко касается моего плеча и жестом показывает мне поперек своего тела. Он сдвигает меня на противоположную сторону, а сам занимает место у дороги.

У меня аллергия на этого человека.

Он открывает дверь бара, хватаясь за одну из длинных латунных ручек, которые тянутся почти по всей длине деревянной рамы. Как только я прохожу мимо, Ретт уходит, не сказав ни слова, а я остаюсь любоваться интерьером паба.

Длинный бар занимает все место вдоль левой стены помещения, а основное пространство усеяно столиками с высокими столешницами. Чуть дальше я вижу подиум с бильярдным столом, бордовыми кожаными диванами и камином.

Ретт явно направился напрямиком к бару, и несколько местных жителей загнали его в угол. Мужчины обмениваются похлопываниями по спине и рукопожатиями, но в приветствии чувствуется напряженность, и я не могу не задуматься о том, что они ему говорят.

Бо задержался, чтобы забрать друга, и отстает от нас на несколько минут, поэтому я решаю пройти позади Ретта и узнать, смогу ли что-нибудь подслушать, прежде чем отпра-

---

¹⁹ «Рейлспур» – образовано от английского слова «rails» – рельсы.

виться в дамскую комнату и скоротать время до прихода людей, которые действительно признают мое существование.

На мне все еще мои любимые обтягивающие джинсы-скинни и белая блузка с прорезями. Я даже дополнила этот наряд парой супермилых ботильонов, которые кажутся мне немного деревенскими. Из минусов – каблук, но это неважно.

Можно вывести девушку из города и все такое.

Но местным, должно быть, ясно, что я не здешняя, потому что я определенно привлекаю к себе взгляды, когда пробираюсь между столиками. Ретт устремляет на меня взгляд, когда я наклоняюсь в его сторону, но даже это говорит о том, что он хотел бы не замечать меня.

Это очевидный намек на то, что он предпочел бы не общаться со мной прямо сейчас, поэтому я прохожу мимо него, улавливая запах его одеколona. В нем есть лакричная нотка, которую я раньше не замечала, и еще запах кожи. Не знаю, то ли дело в его ботинках, то ли в ремне, то ли просто в том, что такому суровому мужчине полагается пахнуть чем-то столь мужественным.

В любом случае – сочетание пьянящее. Оно заставляет меня глубоко вдохнуть, проходя мимо, как бы странно мне от этого ни было.

Так уж выходит.

Один мужчина сжимает плечо Ретта.

– Мы знаем тебя, Ретт. Мы знаем твою семью. То, что СМИ говорят о тебе, не имеет значения. Ты хороший мальчик.

Я почти фыркаю. Мальчик. Может быть, в этом-то и проблема.

Все по-прежнему нянчатся с ним, как с маленьким мальчиком, вместо того чтобы сказать ему, что он должен нести ответственность за свои поступки. Должны ли у него быть проблемы из-за того, что он сказал? Нет. Но ему также не нужна куча похлопываний по спине из-за этого.

Туалет находится сразу за баром. Я толкаю дверь и обнаруживаю гораздо больше женщин, прихорашивающихся под яркими галогеновыми лампами, чем ожидала увидеть здесь в понедельник вечером.

Я улыбаюсь им той странной улыбкой с закрытым ртом, которой часто одариваю незнакомцев вместо того, чтобы просто поздороваться. Я знаю, она выглядит болезненно, принужденно – немного в духе серийного убийцы, – но все равно продолжаю так делать.

Это проблема, и я не могу остановиться.

Они подозрительно смотрят на меня, и их разговор прерывается, но, как только я запираюсь в кабинке, они продолжают, будто меня здесь вообще нет.

– Вы видели Ретта Итона в баре? – Вопрос девушки встречен хором стонов и охов, как будто он королевский краб и миска сливочного масла или что-то в этом роде.

Другая девушка прерывает ее.

– Никто не позвонил Эмбер. Она ворвется сюда и взбесится, когда увидит, что он уходит домой с кем-то другим.

– Ей нужно забыть о нем.

– Да. – Первая девушка смеется. – Дай шанс и остальным из нас.

– Тебе? Нет. Мне. Но я не просто хочу этого шанса. Я бы захомотала это дерьмо навсегда. Эти парни Итоны похожи на своего отца. А Харви Итон – горячий папочка. Или, скорее, дедушка?

– Полагаю, тогда мы посмотрим, кого он выберет сегодня вечером. – Девушка, которая это говорит, пытается казаться беззаботной, но я распознаю нотку яда в ее голосе.

Все они раздражаются приступом смеха, который приглушает лишь звук того, как я мочусь и потираю лицо руками.

Это только первый день, а мне уже приходится следить за тем, чтобы Маленький Ретт оставался в его штанах.

Вернувшись в бар, стайка женщин набрасывается на Ретта и подводит его к столику.

Я стою в конце бара и собираюсь с духом, чтобы подойти к ним и заставить Ретта Итона возненавидеть меня сильнее, чем он уже ненавидит. Ломаю голову над тем, что могу сделать, чтобы не превратиться в смущающуюся зануду.

Кип подошел бы туда и устроил жесткую, но справедливую словесную взбучку. Но я не Кип. Я двадцатипятилетняя женщина, еще совсем новичок в этой работе, и, черт возьми, я совершенно не справляюсь.

О чем думал мой отец?

– Саммер! – Я иду к задним диванам, со стороны которых доносится мое имя, через гудящее море столиков. Бо там, он дружелюбно улыбается и машет мне. Идеальный выход.

И я принимаю его.

Я решаю сесть там и обдумать план, а не импровизировать. Мои каблуки стучат по деревянному полу, когда я направляюсь в сторону Бо. Когда я подхожу к диванам, то замечаю его друга, сидящего рядом, его лицо повернуто в сторону. Только когда я подхожу ближе к низкому столику между ними, мне удается хорошенько рассмотреть его. И даже несмотря на бороду и на кепку, надвинутую на лицо, я узнаю его.

Наверное, как и все в этой стране.

Джаспер Джервейс, профессиональный хоккеист. Невероятно талантливый вратарь. Канадская олимпийская сенсация. И еще один клиент моего отца, чье имя я знаю потому, что последние несколько лет своей жизни занималась бумажной работой в «Хэмилтон Элит».

– Саммер, это мой приятель, Джаспер. – Бо тычет большим пальцем в сторону своего друга и, когда я улыбаюсь тому своей глупой, неловкой улыбкой-приветствием, наклоняется прежде, чем я успеваю прекратить это. Мне становится легче, когда Джаспер одаривает меня такой же улыбкой серийного убийцы в ответ.

– Привет, Джаспер, – говорю я, прежде чем сесть на диван рядом с Бо.

– Привет, – недовольно произносит он. Явно неболтливый, что меня вполне устраивает.

– Мы заказали тебе выпить. – Бо с легкой grimасой на лице подталкивает ко мне невысокий бокал вина, наполненный доверху. – Я подумал, что ты похожа на любительницу белого.

Джаспер усмехается, попивая свое пиво.

Я закатываю глаза. Этих парней слишком веселят шутки про городских девушек. Хуже всего то, что они даже не ошибаются.

– Вино и текила. Но это не похоже на вечер текилы.

Они оба смеются, и я тянусь за бокалом вина, молясь о том, чтобы не пролить его на себя.

Со своего места я прекрасно вижу Ретта, сидящего на табурете у двух сдвинутых вместе столов. Он улыбается, что-то рассказывая, жестикулирует руками, и мои глаза скользят по ним, замечая вены, улавливая блеск серебра на его пальце. Это кольцо, которое подходит к серебряному браслету-манжете на его запястье.

Только Ретт Итон может придать украшениям такой чертовски мужественный вид.

На первый взгляд кажется, что он хорошо проводит время, но во всем этом есть что-то странное. Что-то здесь не совсем правильно. Его лицо выглядит безмятежным, он в своей стихии, но его плечи напряжены. Он сжал челюсть и прищурил глаза. Он улыбается не до конца.

– Ты пытаешься наложить какое-то проклятие на моего младшего брата? – спрашивает Бо, поворачивая голову в ту сторону, куда я смотрю.

Я фыркаю и делаю большой глоток вина. Вкус ужасный, но мне все равно. Мне нужно немного жидкой смелости.

– Нет. Я пытаюсь понять, как выполнять свою работу, не заставляя его ненавидеть меня больше, чем сейчас.

– Справедливо. Похоже, он действительно ненавидит тебя.

– Ретт? – спрашивает Джаспер, приподняв бровь.

Я рассеянно киваю как раз в тот момент, когда Бо говорит:

– О, черт возьми, да.

Джаспер хмыкает.

– Не-а. У этого мальчишки и в мыслях нет ничего плохого. Он добр ко всем.

Но действительно ли он это имеет в виду? Этот вопрос крутится у меня в голове, пока я наблюдаю, как Ретт сидит неподвижно, а одна из женщин гладит его по плечу и смотрит на него с обожанием.

– Ты думаешь, он будет добр ко мне, когда я подойду туда и скажу ему, что он не может забрать всех этих девушек домой сегодня вечером? Или слишком много выпить? – Наверное, мне следовало вообще отказаться от выхода куда-либо сегодня вечером. Варианты того, что может пойти не так, проносятся у меня в голове.

Джаспер усмехается и качает головой. Но Бо вмешивается:

– Ретт не заботится о том, чтобы отвезти этих девочек домой. Он просто слишком мил, чтобы попросить их оставить его в покое.

– Действительно, – ворчит Джаспер с ухмылкой, прежде чем снова поднести коричневую бутылку к губам.

– Если бы он был таким придурком, как Джаспер, с ним все было бы в порядке.

Джаспер даже не пытается оспорить мнение своего друга.

– Не знаю... – Я морщу нос, обдумывая эту мысль.

Именно в эту минуту официантка оказывается рядом.

– У вас все хорошо? Могу я предложить вам еще по одной?

И тут глаза Бо загораются, как у ребенка на Рождество.

– Да. – Он достает из бумажника двадцатидолларовую купюру и кладет ее на середину стола. – Я дам тебе еще по одной за каждый супердевчачий напиток на молоке, который ты принесешь моему брату.

Глаза официантки округляются. И мои тоже.

Джаспер прижимает кулак к губам, и его плечи трясутся.

– Укрась его зонтиком.

Но и это еще не все.

– И объяви за столом, что это напиток от его будущей жены и она знает, что это его любимый.

У меня отвисает челюсть, когда я смотрю на Бо.

– Что ты делаешь?

– Собираюсь разозлить его настолько, чтобы оттащить от этого стола ради тебя.

Я смеюсь. Это не тот план, который я имела в виду. Мальчики.

Официантка покусывает губу, уставившись на деньги, и прижимает коричневый пластиковый поднос к груди.

– Это что, приколы?

– Нет, Бейли, – отвечает Бо, его голос смягчается. – Это не имеет к тебе никакого отношения. Просто хорошая шутка.

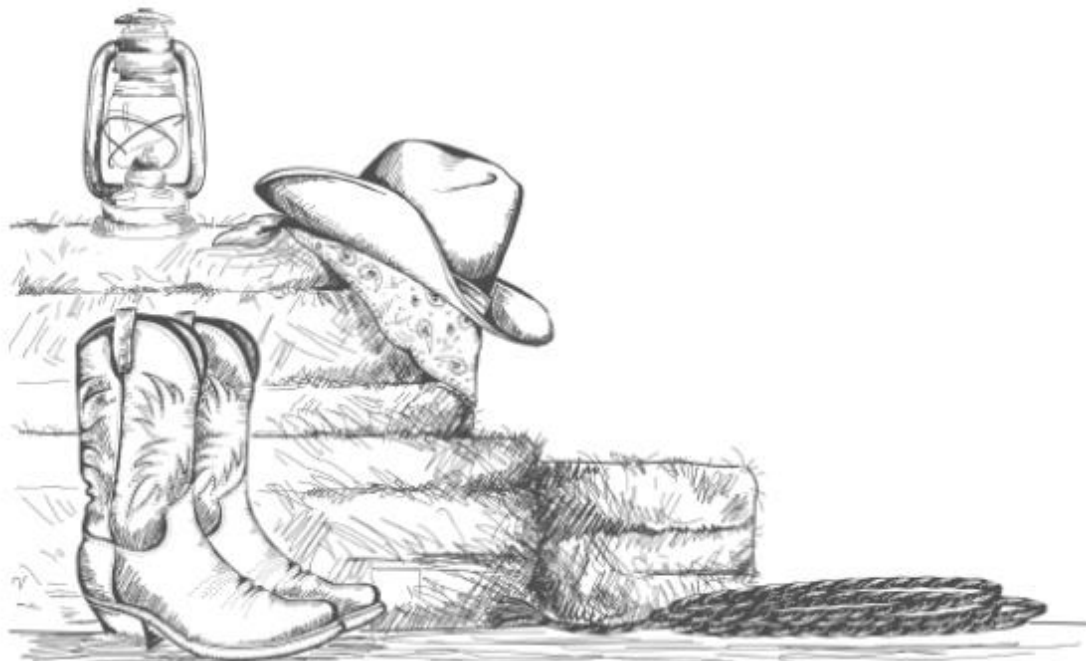
Она смотрит на него широко раскрытыми глазами и выглядит в этот момент особенно юной. Хотя я знаю, что для работы в баре ей должно быть не меньше восемнадцати.

– Ладно. Хорошо.

С этими словами она смахивает купюру со стола и уходит.

7 Ретт

Кип: Сегодня разговаривал с остальными твоими спонсорами. Несколько не определились с тем, что они собираются делать. Но «Вранглер» и «Ариат» все еще в деле... пока ты держишь себя в руках.

Кип: Прием. Ты собираешься поблагодарить меня?

Ретт: Нет.

Кип: Я знаю, ты любишь меня.

Ретт: Нет. Ты натравил на меня служебную собаку. Твоя принцесса держит мои яйца в своих руках.

Кип: Хорошо. Твои яйца не помешало бы немного выкрутить.

Я как раз рассказываю о своем последнем заезде – и это то, о чем мне действительно нравится рассказывать, – когда передо мной появляется стакан.

Мои глаза останавливаются на розовощекой малышке Бейли Янсен, покусывающей губу.

– Это от твоей будущей жены. – Я откидываюсь на спинку после этих слов. – Она сказала, что знает, что это твой любимый. – Бейли едва может выговорить эти слова.

Я обдумываю это, оглядывая стол, но все здесь, кажется, в таком же замешательстве, как и я. Несколько мужчин посмеиваются, но девушки выглядят растерянными. Некоторые – разгневанными.

Если бы одна из них улыбалась мне, я бы понял, что это она.

Когда я как следует разглядываю напиток, то прихожу в еще большее замешательство.
– Что это?

– Это... гм... «Белый русский»? ²⁰

Я хмурю брови, глядя на молочный коктейль: струйки темного ликера поднимаются со дна. *Какого хрена?*

– Наслаждайся! – пищит Бейли, прежде чем уйти. Если бы я не знал, что она единственная приятная особа из всей семьи Янсен, заподозрил бы ее. Но мне почему-то кажется, что кто-то другой подтолкнул ее к этому.

Мое первое предположение – это Бо.

Я разглядываю бар в поисках брата, пока Лора – кто-то, кого я знаю мимоходом со времен средней школы, – пытается остановить Бейли. Как будто этот молочный коктейль с зонтиком – оскорбление моей мужественности. Сверху даже есть гребаная коктейльная вишенка – сочная и яркая. И когда я смотрю на нее, мне вспоминаются губы Саммер.

Я оставил ее и не подумал о ней, когда мы приехали сюда. Не лучший мой поступок. И я определенно не по-джентльменски встретил ее в городе. Я поворачиваюсь на своем табурете, пытаюсь разглядеть, где она устроилась.

Когда я наконец нахожу ее, то вижу, что она погружена в беседу с моим братом и его другом. Все они кажутся расслабленными и не обращают внимания на эту выходку. И так, их я исключаю. Хотя мой взгляд задерживается на них. Саммер говорит, а эти убудки ловят каждое слово, словно она самый интересный человек в мире.

Честно говоря, если бы я не злился так из-за всего этого, мне было бы интересно поговорить с ней подробнее. Она действительно кажется интересной. В ней есть что-то интригующее. То, как она выглядит, как она говорит, ее уверенность и дерзость.

Саммер Хэмилтон – необычное сочетание.

– Извините, Ретт никогда бы не стал пить что-то подобное. – Я едва сдерживаю усмешку. Лора говорит так, будто знает меня, и это действует мне на нервы.

Кто-то быстро забирает напиток и заменяет его бутылкой местного пива. Чем-то, что мне нравится.

Но через несколько минут Бейли возвращается, выглядя так, словно она скорее выбежит через входную дверь, чем снова подойдет к нашему столику.

– Твоя будущая жена прислала это. Она сказала, что знает, как сильно ты любишь шоколадные молочные коктейли. – Она убегает, а я смотрю на сливочно-коричневый напиток в бокале для martinini на длинной ножке.

Снова с зонтиком и вишенкой.

Эти вишни доведут меня до смерти. Каким-то образом мой мозг связал их с помадой, которой пользуется Саммер, хотя цвет не так уж похож. Так или иначе, мои мысли сводятся к этому.

Я думаю и о других вещах. Например, о том, как бы выглядел ее рот, обхватывая мой член.

Когда я смотрю на нее снова, ее большие карие глаза устремляются в мою сторону, но она поджимает губы и отворачивается, как будто находит во мне что-то неприятное.

Некоторым парням за столом сейчас по-настоящему смешно.

– Я думал, ты не любишь молоко, Итон? – выпаливает один из мужчин постарше, и на моих губах появляется улыбка. По крайней мере, эти люди не ненавидят меня за то, что я сказал. И, как и всегда, их внимание доставляет удовольствие. Я расправляю плечи и решаю игнорировать того, кто разыгрывает эту веселую шутку.

---

²⁰ Алкогольный коктейль на основе водки, кофейного ликера и сливок.

– Это смешно, – шипит Лора, потирая мою спину, словно успокаивая меня. Но я не злюсь, я собираюсь отомстить. И когда я выясню, кто развлекается, присылая мне эти дурацкие молочные варева, игра начнется.

– Бейли, дорогая, я не хочу этого.

Она быстро кивает, забирает бокал и снова покидает нас.

Лора наклоняется ближе, ее губы касаются моего уха. Это, должно быть, сексуально, но заставляет меня отшатнуться, когда она шепчет:

– Мне так жаль, что кто-то делает это с тобой. Издевается над тобой вот так. У тебя и так выдалась тяжелая неделя.

В этом она не ошибается. Но она не станет той, кто сделает ее лучше. Все не изменится к лучшему до тех пор, пока я не смогу избавиться от своей няни раз и навсегда. Она не нужна мне, даже если не ходит за мной по пятам, как я предполагал.

Я никак не поощряю Лору, но и не отталкиваю ее. Даже если я совсем не заинтересован, не хочу быть грубым. Поэтому я наклоняю свою пивную бутылку в ее сторону, прежде чем сделать глоток.

– Все хорошо. Я большой мальчик.

Она многозначительно улыбается, читая намек, которого нет, и я делаю еще один глоток. Потому что я не хотел, чтобы все вышло именно так.

Подмигнув, она поднимает руку, чтобы поиграть с кончиками моих волос.

– Я наслышана.

Именно поэтому я больше не встречаюсь с женщинами в этом городе. У меня была одна случайная подружка, прежде чем я усвоил урок. Получаешь минет от кого-то в Честнат-Спрингс, и следующее, о чем узнаешь, – о том, что об этом напечатано в газете, а дамы в парикмахерской планируют гребаную свадьбу. Нет, я оставляю это дерьмо на дороге, где ему и место.

Когда я прихожу домой, мне хочется уединения.

Мой взгляд устремляется туда, где сидит Бо, и на этот раз я замечаю, что все трое смотрят на меня в ответ. Когда они ловят мой взгляд, Саммер и Бо быстро опускают глаза и тянутся к своим напиткам.

Джаспер ухмыляется мне из-под козырька своей кепки. Он тихий парень и не так часто улыбается. Обычно, разговаривая, он делает задумчивые паузы и отвечает односложно, пока не вольешь в него несколько рюмок. Говорят, вратари – другая порода, и в случае с Джаспером это правда. Я-то знаю, мы выросли с этим парнем.

И это заставляет меня задуматься о том, почему он пялится на меня, как гребаный Чеширский кот. Это пугает меня до чертиков. То, как улыбка медленно становится шире, когда он опускает взгляд на стол передо мной.

Я оглядываюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как Бейли торопливо уходит. На этот раз она даже ничего не сказала. Просто резко поставила выпивку и убежала. Не могу сказать, что я виню ее.

– Это что... – Лора выглядит оскорбленной, будто кто-то только что назвал ее мать шлюхой.

Кружка из прозрачного стекла обычно используется для приготовления фирменного кофе. Но жидкость внутри сплошного белого цвета. Сверху увенчана взбитыми сливками.

И дурацкой вишенкой.

Когда я прикасаюсь к кружке, то чувствую, что она теплая. Не горячая. Теплая, как если бы я приготовил горячий шоколад для Люка.

– Это теплое молоко? – Голос Лоры пронзительный, и я слышу хихиканье за столом, но не обращаю внимания.

Вместо этого я отрываю взгляд от взбитых сливок, растекающихся по стенкам кружки, и смотрю на диваны в задней части зала.

Джаспер все еще смотрит на меня, но на этот раз его рука прижата ко рту, плечи трясутся от едва сдерживаемого смеха. Бо, ублюдок, каким он и является, откинулся на спинку дивана с видом, будто это самая смешная шутка в мире.

Осторожно, спойлер: это не так.

Я только что потерял крупного спонсора из-за молока, а эти придурки сидят и присылают его мне. Теплое молоко. Я почти содрогаюсь при мысли об этом.

Но по-настоящему меня выводит Саммер. Она сидит там, скрестив ноги самым женственным образом, и выглядит идеально собранной и такой самодовольной. У нее в руках шоколадно-молочный мартина, который я отправил обратно ей. Она протягивает его мне в безмолвном «за твоё здоровье», а затем срывает вишенку с верхушки и обхватывает ее губами.

А потом ядвигаюсь через барную стойку. Несусь к ним навстречу. Я одновременно удивлен и взбешен из-за того, что эти чертовы предатели подшучивают надо мной вместе с женщиной, чье присутствие, как они знают, мне не нравится. Кажется, что они принимают ее сторону, хотя меня они знают всю свою жизнь. Из-за этого у меня небольшая вспышка гнева?

Может быть.

Я всегда был посмешищем в этой семье. Тем, над кем подшучивают. Тем, кого никто не воспринимает всерьез.

– Ретт, ты забыл свое теплое молоко, – говорит Джаспер, когда я подхожу. Бо издает какой-то гудящий звук, пытаюсь удержаться от смеха, но безуспешно. Он всегда был самым легкомысленным из нас. И это чертовски дико, учитывая, что он член Второй объединенной оперативной группы, лучшего подразделения канадского спецназа.

– Нет, нет, нет. – Бо хватается ртом воздух. – Он пришел сюда, потому что хочет вместо этого «Белого русского».

Я качаю головой. Уголки моего рта приподнимаются, хотя я изо всех сил стараюсь их опустить.

– Вы, ребята, такие охренительные неудачники. – Я упираю руки в бедра и смотрю на потолок, где висит богато украшенная латунная люстра.

– Не следует так разговаривать со своей будущей женой, – кусается Джаспер, прежде чем фыркнуть и разразиться еще одним приступом лающего смеха.

Их смех заразителен, и я пытаюсь не позволить ему овладеть мной. Я не хочу находить это смешным. Но если и есть человек, который может заставить меня посмеяться – это Бо. И прямо сейчас он не в себе.

Я бросаю взгляд вниз, на Саммер. Ее широко раскрытые сверкающие глаза, смотрящие на меня снизу вверх, совершенно обезоруживают. Она пытается не рассмеяться, а я пытаюсь сдержаться стояк, глядя на ее рот. Это дурацкая борьба для нас обоих.

– Это была твоя идея?

– Нет. – Она издает смешок, ее самообладание наконец дает трещину, розовые пятна расплываются по щекам. – Ни капельки. Я невинный свидетель.

Я смотрю на нее, приподняв бровь, и не совсем понимаю, верю ли я тому, что она не играла в этом никакой роли. Кажется, ее забавляют мои страдания, так что я не уверен, что она говорит правду.

Я не могу перестать пялиться на ее великолепное лицо, и это заставляет меня чувствовать, что она вовсе не невинна.

– Эй, остановись, – вмешивается Джаспер своим скрипучим тоном, прежде чем сделать большой глоток пива. – Не придирайся к Саммер. Теплое молоко – это моя идея. Я давно так не веселился.

Бо хлопает себя по колену и хрипит.

– Ты бы видел свое лицо!

Я качаю головой и издаю смешок, который вырывается из моей груди.

– Я собираюсь отомстить тебе за это, – говорю я, но мои глаза возвращаются к лицу Саммер. Она кивает, на мгновение отводя взгляд, и тени от ресниц веером ложатся на яблочки ее щек. Она выглядит почти застенчивой, совсем не самодовольной.

Не то, чего я ожидал.

С глубоким вздохом я поворачиваюсь и пинаю Джаспера ботинком.

– Подвинься, придурок.

Я плюхаюсь рядом с Джаспером и сразу чувствую себя более непринужденно, чем за тем, другим столиком, пусть даже моя принцесса-няня с сочными губами здесь.

Затем я тянусь к столу, беру «Белый русский» и делаю большой глоток, закидывая руку на спинку дивана.

– Чертовски вкусно, – объявляю я с дерзкой ухмылкой. Бо снова хихикает, как школьница. Идиот. Я закатываю глаза, а затем переключаю свое внимание на Саммер и делаю еще один глоток молочного кошмара, который держу в руке. Теперь она улыбается мне.

И пусть мне не хочется это признавать, мне нравится, что она смотрит на меня.

Я думал, что несколько стаканчиков принесут мне облегчение, необходимое для хорошего сна после того, как я болезненно спешил в прошлые выходные, но я ошибся.

Я лежу здесь уже два с половиной часа, пытаюсь устроиться поудобнее. Не выходит. Ругаю себя за то, что так глупо упал. Я занимаюсь этим больше десяти лет. Бык не просто вбил меня в землю – такого не избежать, – это было просто глупое приземление.

И поскольку я, честно говоря, слишком стар, чтобы продолжать делать то, что делаю, я не прихожу в норму так быстро, как раньше. Я так стараюсь не питаться обезболивающими – только одна пара почек и все такое, – но все равно поглощаю их, как леденцы, большую часть своей жизни. Просто раньше мне было все равно.

Я провожу руками по лицу, издаю стон и скатываюсь с кровати, морщась при этом. Деревянные половицы холодят мои ноги, когда я прохожу через свою спальню и поворачиваю деревянную ручку. По коридору я крадусь на цыпочках, как ребенок.

Я и чувствую себя таковым, стараясь не разбудить своего отца. Не могу сказать, что когда-либо представлял, как буду жить с ним в этом возрасте, но когда большую часть года ты в разъездах, содержать собственный дом не имеет смысла.

Как только завершу карьеру, буду строить, как это делали мои братья.

Как только завершу карьеру.

Это то, что я продолжаю говорить себе. Это то, что я продолжаю откладывать. Потому что без быка, на котором можно ездить каждые выходные, я понятия не имею, кем я буду. Или что я буду делать.

Это ужасающая перспектива. Которую я с удовольствием продолжаю игнорировать.

Как только я спускаюсь по лестнице, перехожу на обычный шаг и направляюсь прямо на кухню, где держу свои лекарства повыше, чтобы Люк не смог дотянуться до них своими грязными, создающими неприятности ручками.

Завернув за угол, я замираю, когда обнаруживаю, что кухня не пуста.

Саммер сидит за большим семейным столом, просматривая свой телефон. Перед ней стакан воды. Свет от экрана падает на ее умытое лицо. Он подчеркивает выражение удивления, когда она понимает, что я стою в широком арочном проходе и наблюдаю за ней.

– Привет, – говорит она осторожно, как будто не уверена в том, как яотреагирую на ее присутствие.

Кажется, в баре между нами все наладилось после того, как мы все хорошенько посмеялись. Я не хочу быть кретином по отношению к Саммер. Ни в чем из этого нет ее вины. К тому же эта женщина возбуждает меня, даже не пытаюсь.

– Привет. Все хорошо? – спрашиваю я, и мой голос звучит громко в обычно тихой кухне.

Это единственное, что мне нравится в возвращении домой. Тишина. Вы просто не получите этого ни в отелях, ни в городе. Здесь по-настоящему тихо. По-настоящему спокойно.

Она кладет телефон на стол, прежде чем поднять свой стакан в моем направлении.

– Слишком много сладких напитков, смешанных с самым большим бокалом белого вина на свете. Спасибо, что отвез обратно.

Я прищелкиваю языком, открывая шкафчик над раковиной.

– В последние годы «Рейлспур» изменился. Но это все равно не то место, где модные девушки могут выпить вина.

Она задумчиво хмыкает.

– Хорошее замечание. В следующий раз я схожу за теплым молоком.

– Ты просто собираешься смеяться надо мной следующие два месяца? – Я наливаю стакан воды, а затем возвращаюсь к столу, не упуская из виду, что ее глаза скользят по моему телу. На мне только боксеры, я не привык прикрываться перед женщиной в доме.

Она сжимает губы в тонкую линию, когда я сажусь за стол, решая задержаться и не быть полным придурком. Ее компания не самая плохая. Она могла бы оказаться Лаурой, вцепившейся в меня, как медведь в улей. Это было бы еще хуже.

– Вероятно. Это мое негласное правило, когда мне некомфортно. – Она не шепчет и не опускает глаза; просто говорит о своей слабости, как будто делиться таким дерьмом – это нормально.

– Тебе некомфортно?

Саммер надувает губы. Только сейчас я замечаю, что на ней что-то вроде шелковой майки и шорты в тон. Они светло-фиолетовые и мерцают в тусклом свете горячей над плитой лампы.

– Конечно.

– Почему? Все эти ухмылки и парирования. Покоряешь всех.

Она протягивает руку и расчесывает пальцами свои длинные шелковистые волосы. Локонья переливаются, как и ее пижамы. Мой взгляд останавливается на шраме на ее груди, скользит к контурам ее сосков, которые проступают через ткань. Они не твердые, но я вижу их выпуклость, дразнящую форму. Заманчиво просто представлять, как они могут выглядеть.

Я поднимаю глаза, и они останавливаются на ее губах. На ухмыляющихся губах. Это напоминает мне о том, что Саммер Хэмилтон выводит меня из себя.

– Ты думаешь, это идеально подходит для меня? – спрашивает она. – Испытание огнем? Приходится повсюду следовать за кем-то, кто меня терпеть не может, потому что я просто пытаюсь выполнять совершенно новую работу, в то же время стараясь не вызвать у него еще большей ненависти ко мне? О да. С радостью подпишусь на это. Хорошие времена.

Я приподнимаю бровь.

– Неловкие молочные напитки – отличный способ понравиться мне. Хорошо сыграно. То, что ты присоединилась к моему придурковатому брату, – это здорово.

На самом деле это не так. Я хотел, чтобы она выбрала мою команду, а не Бо. Все выбирают Бо, потому что он такой солнечный, красивый и прочее дерьмо.

Она усмехается и крепко зажимает глаза. Первый признак разочарования, который я вижу.

– Ты бы предпочел, чтобы я подошла туда и вмешалась? Сама поставила тебя в неловкое положение?

Я хмурю лоб, когда проглатываю таблетку.

– Зачем тебе это?

Она пристально смотрит на меня и очень серьезно говорит:

– Потому что я волновалась из-за того, что нам вообще не следовало идти. Что я не смогу с этим справиться – или ты.

– Я не делал ничего плохого. – Господи, можно просто выпить пару кружек пива в местном баре?

– Я знаю это. Но я должна держать Маленького Ретта у тебя в штанах. А эта девушка была готова упаковать его и отвезти домой.

– Прошу прощения?

– Твой член. – Она указывает на мои колени. – Не развлекайся, пока не разберемся со всем этим. Приказ Кипа. Твоя репутация не выдержит, если ты еще раз ввяжешься в драму. Ты должен казаться благоразумным.

– Я и так благоразумный. Наслаждение сексом делает человека менее благоразумным?

Она дрожит, а затем быстро закатывает глаза, как будто не верит мне.

– Не имеет значения, такой ты или нет. Тебе нужно выглядеть благоразумным, так что держи его в штанах. Держи свои руки при себе. Выиграй в этой битве, чтобы мы оба могли оставить все позади.

Я пристально смотрю на нее. Неужели эта только что окончившая юридический факультет красотка всерьез говорит мне, что я могу и чего не могу делать со своим членом? Каким она должна меня видеть?

Она встает и убирает свой телефон со стола, прежде чем указать на меня сверху вниз.

– Пойми, что я на твоей стороне. Я не хочу, чтобы это было несчастьем. Я не хочу тебя смущать. Если ты позволишь мне, мы сможем быть командой, а не сражаться все время. Используй свою голову.

Я привык получать выговоры. Попадать в неприятности не ново, и я не собираюсь сдаваться и принимать это от нее. Вот почему я отвечаю:

– Какую из них?

После этих слов она уносится прочь. Ее попка, едва прикрытая шелковыми шортами, заставляет меня подумать о том, не новая ли это форма нашей «команды».

Потому что, если это так, я в деле.

8 Саммер

Папа: Он ведет себя как придурок?

Саммер: Нет.

Папа: Ты бы сказала мне, если бы вел?

Саммер: Тоже нет.

Папа: Саммер, если тебе понадобится поддержка, просто скажи мне. Я могу послать Габриэля.

Саммер: Это даже не его имя. К тому же я выросла рядом с тобой. Я умею обращаться с придурками.

Саммер: К черту мою жизнь. Забудь, что я это сказала.

Папа: Уже удалено.

Я сплю очень плохо. Все остроумные реплики, которые я хотела бы сказать Ретту прошлой ночью, проносятся у меня в голове, как бегущая строка внизу новостного канала.

Он взволновал меня. Я позволила ему вывести меня из себя, а мне не следовало этого делать. Я ушла, сделав вид, что я выше этой ситуации, хотя все, что мне хотелось сделать, – это пнуть его по ноге. Что было бы чертовски больно, потому что все в Ретте Итоне жесткое, подтянутое и высеченное.

Он не огромный, но в хорошей форме. Телосложение пловца. Достаточно крепкое, но не громоздкое.

И, может быть, именно поэтому я так взволнована. Влюбленно смотреть на журнальную рекламу с Реттом во «Вранглерах», когда ты подросток, забавно, но видеть его раздетым, будучи взрослой, – нет.

Это сложно. Это то, над чем мне нужно поработать, вот почему я надеваю свои любимые легинсы, спортивный бюстгальтер и свободную футболку. С помощью быстрого поиска в телефоне я нашла в городе спортзал и именно туда теперь направляюсь.

Я иду по коридору, конский хвост развеивается за моей спиной. Когда я с гордо поднятой головой вхожу на кухню, то стараюсь не вспоминать, как свет играл на рельефном теле Ретта прошлой ночью – тени между четко очерченными изгибами живота, впадинка на его шее, эта идеальная v-образная мышца, направляющаяся к «другой голове».

Что за чертов придурок.

Отец этого придурка уже сидит за столом, потягивает кофе и читает газету.

– Доброе утро. – Харви улыбается мне. – Ранняя пташка, да?

– Да. – Я беру кружку и наливаю себе кофе, чувствуя себя как дома, потому что прямо сейчас мне отчаянно нужно немного кофеина. – Всегда была такой.

– Я тоже, – говорит он мне.

Проходя мимо холодильника со своим кофе в руке, я замечаю фотографию, прикрепленную магнитом в форме лошадиной головы. Миниатюрная блондинка улыбается в камеру, стоя рядом с самой блестящей черной лошадью, которую я когда-либо видела. На девушке черная с золотом одежда жокея, а на коня накинута попона из роз.

– Кто это? – с любопытством спрашиваю я Харви.

Он мгновенно улыбается в ответ. Глубоко и неподдельно.

– Это моя маленькая девочка. Вайолет. Она жокей – чемпион на скаковых лошадях. Живет недалеко от Ванкувера со своим мужем и другими моими внуками.

Я отодвигаю стул напротив него, улыбаясь в ответ.

– Ты, должно быть, очень гордишься ею.

В его глазах мелькает печаль, но он быстро скрывает это.

– Ты и не представляешь.

Я судорожно сглатываю, чувствуя, что мне больше нечего сказать по этому поводу. Поэтому я меняю тему.

– Я направляюсь в город, чтобы позаниматься в тренажерном зале.

Харви кивает.

– Это полезно. Держу пари, ты вернешься еще до того, как Ретт проснется.

– Что ж, отлично. Если он встанет, дайте ему успокоительное, пока я не вернусь.

– Он уже доставляет тебе неприятности?

– Ни единой. Он просто лапочка. – Я подмигиваю Харви, и мы смеемся, прежде чем перейти к непринужденной беседе.

Я готовлю нам с Харви по кусочку тоста, и его, кажется, забавляет, что я готовлю ему завтрак. Когда в разговоре наступает естественное затишье, я убираю со стола и выхожу через парадную дверь, чтобы сесть в машину.

В течение следующего часа я тренируюсь до тех пор, пока пот не начинает течь по моему телу. Клянусь, он пахнет дешевым вином. Но мне все равно. Мое сердце качает кровь, и я чувствую себя живой. Чувствую себя сильной. В тренажерном зале тихо, и я занимаю стойку для приседаний и занимаюсь, пока мои мышцы не начинают гореть, а ноги трястись.

Когда я возвращаюсь и проезжаю через парадную арку ранчо «Колодец желаний», то чувствую себя значительно более здравомыслящей.

Я вдыхаю свежий утренний воздух, пока иду к дому, любясь тем, как иней на мерзлой траве превратил пейзаж в сверкающе-белый. Он растает, как только яркое солнце прерий поднимется достаточно высоко в лазурном небе.

Я иду на кухню, чтобы сварить еще кофе, и вижу, что Ретт сидит за столом. Он выглядит таким же замерзшим, как трава.

– Доброе утро. – Я ухмыляюсь ему, потому что он напоминает мне дующегося подростка тем, как он просматривает свой телефон с наигранно хмурым лицом.

Он хмыкает. Глаза даже не отрываются от экрана.

Все идет отлично.

– Кто помочился в твои «Шреддиз»²¹, Итон? – спрашиваю я, ничуть не смущенная его вялым отношением, потому что кофе уже приготовлен и ждет меня. Это мелочи в жизни.

– Все.

Я фыркаю.

– Звучит восхитительно.

Ретт издает рычащий звук и бросает свой телефон на стол с такой силой, что он проезжает почти на всю длину.

– Я для тебя просто большая шутка? Я только что потерял еще одного спонсора. Ты думаешь, все, над чем я работал последние десять лет, кружа по стадиону, смешно?

Я поворачиваюсь и смотрю на него. Очевидно, что сегодня утром мы не будем язвительно подшучивать. Он действительно расстроен.

– Я не нахожу это даже отдаленно забавным.

Он ставит локти на стол и опускает голову на руки, грива волос падает вокруг лица, как занавес, скрывая любое выражение, которое может быть на нем прямо сейчас.

Вздых сотрясает мое тело, и я подхожу, чтобы отодвинуть стул рядом с ним, а не напротив. Когда я сажусь возле него, он по-прежнему не поднимает глаз. Ретт явно пробует какую-то технику глубокого дыхания, основанную на свисте воздуха в его ноздрях.

Моя глиняная кружка со звоном ударяется о стол, когда я протягиваю другую руку к его широкой спине. Я колеблюсь, рука дрожит над его простой белой футболкой, потому что я серьезно сомневаюсь насчет того, стоит ли прикасаться к нему.

Это немного похоже на попытку просунуть руку между досками забора, чтобы погладить незнакомую собаку. Они могут быть очень хорошими мальчиками, которые любят внимание. Или они могут укусить тебя.

Но я эмпат. И ответственная за порядок. Я вижу исходящее от него разочарование. Объятия всегда помогают мне почувствовать себя лучше, но я не собираюсь обнимать его – в основном потому, что мне это доставит гораздо больше удовольствия, чем положено профессионалу. Однако нежное похлопывание по спине никогда никому не причиняло вреда.

Так что я опускаю руку ему на плечо. Сначала сжимаю его, но Ретт вздрагивает и делает глубокий вдох, будто ему больно.

Я убираю руку. Когда Ретт никак на это не реагирует, не пытается отодвинуться от меня, я кладу руку назад, на этот раз немного ниже. Провожу ей по гребню его лопатки через ткань футболки.

Я описываю рукой мягкий круг, как это делал со мной мой папа, когда у меня были тяжелые дни. Он сидел в кресле рядом с моей больничной койкой и часами растирал мне спину. И он никогда не жаловался.

– Я была нездорова в подростковом возрасте. Мне сделали операцию, которая пошла не так, – тихо говорю я, позволяя себе вспомнить то время. – Я провела много времени в больнице. Какое-то время я даже думала, что никогда не покину ее. И тогда я придумала новый взгляд на вещи. Тебе интересно услышать о размышлениях вечно оптимистичного подростка?

– Конечно. – Его голос звучит напряженно, и он сильнее прижимает ладони ко лбу.

– Если бы это были твои последние мгновения на земле, ты бы ушел счастливым?

Его ответный вздох прерывистый. Он прочищает горло.

– Нет.

– Но почему? У тебя так много всего есть. Ты так многого добился. Ничья жизнь не идеальна.

Теперь он сидит прямо. Янтарные глаза смотрят на меня так, словно я, возможно, не та дьяволица, за которую он меня принимал.

---

²¹ Shreddies – марка сухих завтраков.

– Ты читала обо мне в Интернете? Это все просто, – он издает грустный смешок, – глупо.
– Да, – соглашаюсь я, мрачно кивая и убирая руку.

– Я получил электронное письмо от твоего отца с предложением раскрутить все так, будто я шутил о ненависти к молоку.

Я слегка поворачиваюсь к нему, потягивая обжигающе горячий кофе и вдыхая его аромат.

– Ты мог бы.

– Но я не хочу этого делать.

Я наклоняю голову.

– Почему?

Он всплескивает руками в отчаянии.

– Потому что это правда! Я чертовски ненавижу молоко. И это не должно быть преступлением.

Мои щеки подергиваются, когда я изо всех сил пытаюсь сдержать улыбку, у меня вырывается хриплый смех.

– Видишь? Ты смеешься надо мной. – Он проводит рукой по щетине на подбородке, прежде чем провести пальцем по моему лицу в форме буквы «U». – Ты была такой с того первого дня в офисе. Эта маленькая ехидная ухмылка.

Теперь я сажусь прямо, а он снова опускает взгляд.

– Ретт. – Он закатывает глаза и избегает любого зрительного контакта со мной, как капризный ребенок. Я наклоняюсь вперед и прижимаюсь своим коленом к его. – Ретт.

Когда он обращает все свое внимание на меня, мое сердце бешено колотится в груди. Ни один мужчина не имеет права выглядеть так хорошо, как он. Темные ресницы, квадратная челюсть.

Одним движением головы я возвращаю себе концентрацию.

– Я не смеялась над тобой. Я смеялась над этой ситуацией. Потому что знаешь, что я думаю?

– Ага. Что я тупой ковбой.

Я вздрагиваю, морща лицо.

– Нет. Я думаю, они раздули это настолько сильно, что я не могу удержаться от смеха. Кого, черт возьми, волнует, что ты предпочитаешь пить? Я смеюсь, или ухмыляюсь, или что бы ты там ни думал, потому что вся эта ситуация настолько оскорбительна и притянута за уши, что, если бы я не смеялась над ней, то сразу бы уволилась с работы и стала личным тренером.

Он тупо смотрит на меня, его глаза бегают по моему лицу, словно он ищет доказательства того, что я шучу.

– Если я слишком много думаю об этом, это заставляет меня злиться из-за тебя. А я не хочу злиться.

Он смотрит вниз на свои руки и крутит серебряное кольцо на пальце, прежде чем прошептать:

– Хорошо.

Боже, для него действительно стало обычным быть уязвимым, неуверенным в себе маленьким мальчиком. Я снова толкаю его в колено.

– Хорошо, – повторяю я. – Ты собираешься сказать мне, почему ты так сильно ненавидишь молоко?

– Когда-нибудь пробовала сырое фермерское молоко? – спрашивает он.

– Нет.

– Ладно. Ну, оно густое, желтое и жирное, и у нас в детстве была корова, и мой папа заставлял нас пить по стакану каждый день, и я почти уверен, что это на грани жестокого обра-

щения с детьми. Теперь мысль о том, чтобы сесть и просто залпом осушить целый стакан... – Он вздрагивает. – Я никогда не был так счастлив, как в тот день, когда умерла та корова.

– Это слишком! – Я разразилась смехом. – Впрочем, звучит ужасно. Признаю.

– Я определенным образом травмирован. – Его щека вздрагивает, и он одаривает меня мягкой улыбкой. Настоящей, от которой у меня в груди порхают бабочки.

У нас только что случился какой-то прорыв? Похоже на то. Но пока что этот парень доставляет мне неприятности. Так что, возможно, я ошибаюсь.

Что я знаю наверняка, так это то, что от меня пахнет потом и я ужасно выгляжу. Поэтому я заставляю себя встать, не осознавая, насколько близко нахожусь к Ретту. Наши колени соприкасаются, и его глаза останавливаются на них.

Я резко втягиваю воздух и собираюсь уйти. Мне очень нужно в душ, но я останавливаюсь в дверях, обдумывая наш только что состоявшийся разговор. Когда я оглядываюсь через плечо, то замечаю, что его взгляд устремлен ниже, чем следовало бы. Ретт мгновенно поднимает глаза к моему лицу. Мои щеки пылают. В конце концов, Ретт Итон только что смотрел на мою задницу в спортивных брюках.

Должно быть, поэтому мой голос звучит более хрипло, чем обычно.

– Не занимайся этим, если не хочешь. И не позволяй Кипа принуждать тебя.

Он сжимает губы и кивает мне. Потом я ухожу. Направляюсь в душ.

Холодный.

9 Ретт

Саммер: Хочешь пойти со мной в спортзал? Тебе пойдет на пользу. Ты не можешь просто валяться без дела всю неделю.

Ретт: Теперь ты и мой новый личный тренер?

Саммер: Так тебе станет легче из-за того, что я здесь?

Ретт: Может быть.

Саммер: Ну, тогда кем скажешь, тем и буду.

Ретт: Опасно так говорить.

– Я тут немного почитала о хороших упражнениях для наездников на быках. – Саммер ждет прямо у мужской раздевалки и заговаривает со мной, как только я открываю дверь.

– Угу, – говорю я, шагая впереди нее к кардиозоне и стягивая волосы резинкой. Беговые дорожки, велотренажеры и эллиптические тренажеры стоят так, чтобы можно было смотреть на Розвуд-стрит.

– Ты обычно много тренируешься? – Она с любопытством смотрит на меня, когда я выбираю велотренажер. Думая, что это поможет мне растянуть бедра, я засовываю бутылку с водой в держатель и взбираюсь наверх.

– Ага. Делаю упражнения на равновесие и координацию. Но не в последнее время. В разъездах с этим иногда бывает сложно.

Она запрыгивает на велотренажер рядом со мной.

– Я могу подобрать для тебя упражнения, которые помогут справиться с любыми травмами, которые у тебя могут быть, – говорит она, а потом издает этот восхитительный писклявый звук и падает на ручки своего тренажера. – Черт.

Я смотрю вниз и пытаюсь сдержать улыбку. Она была так занята разговором со мной, что не заметила, что сиденье на велотренажере, который она выбрала, слишком высокое для такой низкой девушки, как она. Оно накренилось вперед, когда она потянулась к педали.

Ее щеки порозовели, будто она смутилась. Я стараюсь сосредоточиться на том, как она забавно вышла из равновесия, вместо того чтобы тарашиться на ее тело, которое безумно хорошо выглядит в спортивной одежде. То, как она облегает ее изгибы, почти может заставить ревновать.

– Мне спросить, есть ли у них какие-нибудь детские велотренажеры, на которых ты могла бы покататься?

– Очень смешно. – Она спрыгивает с тренажера и смотрит на него так, словно он каким-то образом оскорбил ее. – Ненавижу кардио.

– Это потому, что механизм слишком сложен для тебя? – Я подмигиваю ей, и она хмурится, когда я слезаю с велотренажера и указываю на слишком высокое сиденье. – Встань рядом с ним.

Она скрещивает руки на груди.

– Я вполне способна отрегулировать сиденье на своем собственном велотренажере.

– Правда? Я подумал иначе, – бормочу я, поворачивая ручку, чтобы ослабить стойку и опустить ее вниз. Я оглядываюсь на Саммер, чтобы посмотреть, не собирается ли она подойти ближе, чтобы я мог измерить для нее высоту сиденья, но она продолжает насмехаться надо мной. Тогда я оцениваю высоту на глаз, пожимаю плечами, когда мне кажется, что теперь все выглядит достаточно хорошо, а затем возвращаюсь на свой велотренажер и начинаю программу разминки.

В конце концов она протягивает руку и поправляет сиденье. Вверх. Вниз. А затем оставляет точно на той же высоте, на которую его установил я.

Упрямая.

– Ах да, так выглядит намного лучше, – выдыхаю я, не сводя глаз с дороги впереди. Мне не нужно обращать на нее свой пристальный взгляд, чтобы знать, что она хмуро смотрит на меня.

– Как я уже сказала, я вполне способна сделать это сама. Особенно если ты собираешься быть язвительным придурком из-за того, что помогаешь мне. Что, если бы я получила травму?

Я качаю головой и сдерживаю улыбку.

– Ты получила травму, принцесса?

– Нет, – ворчит она, запрыгивая обратно и начиная крутить педали. – Но ты да.

– Нет. Я в порядке.

– Ты ужасный лжец. – Теперь ее очередь качать головой, но она не развивает эту тему дальше. Вместо этого она затыкает уши беспроводными наушниками, отгораживаясь от меня, опускает голову и принимается за тренировку.

И она усердно работает. Усерднее, чем я. Потому что я слишком занят, украдкой поглядывая на нее и стараясь не попасться. Теперь в зале достаточно местных жителей, которые станут говорить о том, что я был здесь с какой-то девушкой. Мне не следует давать им больше поводов для сплетен, чем есть.

Но то, как пот блестит на ее коже, чертовски отвлекает. То, как вздымается ее грудь и пульсирует вена на шее.

Это почти раздражает. То, что я не могу перестать украдкой поглядывать на нее. Так болезненно осознавать, что она прямо рядом со мной.

Но самое раздражающее из всего этого то, что она вообще не обращает на меня внимания. Через двадцать минут она спрыгивает со своего велотренажера, вытирает его и уходит, не сказав мне ни единого чертова слова. Зато мне открывается самый восхитительный вид на ее дерзкую задницу.

Я почти уверен, что Ширли за стойкой регистрации видит, как я плююсь на задницу Саммер, пока та идет через зал к стойке для приседаний. Она поднимает брови, глядя на меня, и понимающе улыбается, так что все вопросы о том, видела ли она меня, отпадают.

Я снова опускаю голову и пытаюсь сосредоточиться на своей собственной тренировке, на своем собственном теле. Проводя физическую инвентаризацию каждой клеточки на наличие боли и страдания. Чем больше я двигаюсь, тем лучше чувствует себя мое бедро. Я знал, что несколько дней отдыха помогут. Но мое плечо все еще не в порядке, и оно поправляется недостаточно быстро.

В глубине души я подозреваю, что это нечто большее, чем простое напряжение, для избавления от которого требуется несколько дней отдыха. Когда столько лет изводишь свое тело, чувствуешь разницу.

Но я не хочу этого признавать. Потому что, если я позволю себе принять это, мне станет только хуже. Я начну сомневаться в себе. А я не могу себе этого позволить.

Я снова бросаю взгляд на Саммер. Она сидит на полу, спиной к скамейке, а длинная штанга покоится у нее на теле. Когда я вижу края этой штанги, мои глаза округляются. Количество блинов, которые Саммер на нее повесила, кажутся, ну, почти невозможным весом для женщины вроде нее.

Но ее бедра приподнимаются, и она поднимает штангу со всей силой... Я даже не знаю. Ее задницы? То, как она сжимается, то, как губы Саммер приоткрываются при тяжелом вдохе.

Все это только подтверждает, что я чертов извращенец.

Настолько извращенец, что оставляю свой велотренажер и иду к ней. Саммер не обязательно должна нравиться мне, чтобы произвести впечатление, верно?

– Как это называется? – спрашиваю я, подходя ближе.

– Выпад бедром. Хочешь попробовать?

Решусь ли я когда-нибудь?

То, как она смотрит на меня, заставляет мой член напрячься.

Саммер указывает на стойку, и у меня сводит бедра от одного взгляда на нее.

– Нет, спасибо.

– Это потому, что ты получил травму? – Она одаривает меня плоской, ехидной улыбочкой. Я совсем не думаю, что я ее обманываю.

– Я не получал травму, – отвечаю я, чувствуя, как ее взгляд скользит по мне, словно пот, сейчас стекающий по моей спине.

Она вздыхает.

– Ладно. Ты не получил травму. Но... – Она скатывает штангу с себя и отталкивается от нее, чтобы встать передо мной. Я наблюдаю, как капелька пота стекает через ложбинку между грудями прямо в ее ярко-розовый спортивный бюстгальтер. – Представь, что наездник на быке был травмирован.

Саммер поворачивает ладонь в моем направлении и слегка расширяет глаза.

– Какую травму он мог получить?

Я смотрю на нее, понимая, что она делает, и пытаюсь решить, хочу ли я довериться ей настолько, чтобы пойти на это.

– Рук и плеч, – выпаливаю я. Она кивает, а мой взгляд опускается на перекладину, которую она толкала бедрами. – И иногда бедер.

Она постукивает пальцем по губам и задумчиво хмыкает.

– Итак, этому притворяющемуся наезднику на быке, вероятно, пошла бы на пользу специализированная тренировка, включающая определенные упражнения? И, может быть, небольшая разминка?

Я чувствую, как часть моего напряжения уходит. Чувствую облегчение от того, что это не превратилось в ругань или разговор о том, какой я безрассудный. Уперев руки в бедра, я натянуто киваю ей.

Она кивает в ответ, прежде чем заставить меня работать до тех пор, пока мой пресс не загорится.

Двадцать минут спустя я хриплю:

– Я отключаюсь. – И падаю на коврик, совершенно озверевший из-за миниатюрного источника энергии, который только что пытался убить меня своей «специализированной тренировкой».

Специализированной на том, чтобы убить меня.

– Хорошо, давай растянемся, – отвечает она, бросая коврик на землю и опускаясь на колени рядом со мной. Когда я поднимаю на нее взгляд, слабая улыбка касается ее губ, а ее глаза осматривают мое лицо.

– Почему ты выглядишь такой довольной собой? Я ведь вижу эту маленькую злую улыбочку, – выдыхаю я, все еще безуспешно пытаюсь отдышаться.

Она смеется, потянувшись за каким-то длинным куском пенопласта, который она принесла ранее.

– Это обычная довольная улыбка. Было весело.

– Тебе нравится мучить мужчин ради удовольствия. Понял.

Она похлопывает меня по плечу.

– Только тех, кто этого заслуживает.

Я издаю смешок. Потому что я, вероятно, действительно этого заслуживаю.

– Ладно, сядь. Я собираюсь подсунуть это тебе под спину и дать тебе немного полежать на нем. Расправь плечи, выпрями грудь.

Она подталкивает меня сесть еще до того, как заканчивает предложение, и я оказываюсь с ней лицом к лицу. Ближе, чем следовало бы. Я вижу, как двигаются ее губы и как мелькают за ними ее белые зубы, пока она болтает без умолку.

Она понятия не имеет, насколько это отвлекает.

Когда она обхватывает меня пенопластовым валиком, я улавливаю запах вишни и соленый привкус пота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.